

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a soldier in a green camouflage hooded suit and helmet holds a combat knife. In the center, a German soldier in a dark uniform and helmet is shown from the chest up, holding a submachine gun and smoking a cigarette. In the background, a watchtower with a searchlight is visible against a hazy, war-torn sky.

Р. ДАМИРОВ
С. ФИШЕР

ТОМ 2

КРАСНЫЙ
ВЕРВОЛЬФ

Рафаэль Дамиров
Саша Фишер
Красный Вервольф 2
Серия «Красный Вервольф», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897631
С. Фишер. Р. Дамиров. Красный вервольф – 2:

Аннотация

Я боевой офицер. Моя жизнь – это война. Но та жизнь оборвалась, а война – нет. Меня забросило в 1941, в самое пекло. Я своими глазами увидел зверства фашистов, о которых раньше только читал. Немцы считают меня равным, потому что во мне течет арийская кровь. Свой говорят, что я предатель. Что ж, если это приблизит Победу, пусть до поры будет так! Но когда наступает ночь, то на охоту выхожу я. Моя цель – твоя глотка, фашист. Скажи свое имя перед тем, как подохнешь. А мое ты и так знаешь – Красный Вервольф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

**Саша Фишер,
Рафаэль Дамиров
Красный вервольф – 2**

Саша Фишер

Рафаэль Дамиров

* * *

Глава 1

Где-то в середине сентября 1941 года в окрестностях Пскова

– Долго еще сидеть? – цыган прихлопнул на шее насекомое и выглянул из-за кустов на лесную дорогу. – Сожрали уже меня комары чёртовы.

– Отставить нытьё, – шикнул я. – Не знаю сколько ждать. Шалтай сказал, что здесь конвой поедет. Но когда, шут его знает.

– Хах, имечко, конечно, у него! – усмехнулся Рубин. – Он сам себе такое выбрал? Почему? А-а-а, понял, потому что лыс, как яйцо! А как его настоящее имя?

– Если я скажу тебе его настоящее имя, то Шалтаю придется тебя убрать, – я хитро прищурился.

– Да, больно, надо мне его имя. Шалтай он и есть Шалтай, – насупился Рубин.

– Да не бери в голову, – уже миролюбиво проговорил я. – Я сам не знаю, кто он и какое у него задание. Главное, что он наш союзник и ценный информатор. Я не везде вхож. Это он сообщил, что наших по этой дороге повезут из Пскова.

– Тихо! – прошипел Кузьма. – Слышите? Мотор?

– Неа, – мотнул я головой.

– Не уж-то не слышите? – лесник поморщился и снял шап-

ку. — Тыфу ты, молодежь, ёшкин-матрёшкин. А слух хуже, чем у старика.

— Спасибо, Михалыч, — улыбнулся я, — что молодежью обозвал. А слух у тебя и вправду добрый. Я вот свой немного посадил. На войне.

— На фронте воевал? — удивился Кузьма. — Когда успел? Ты ж разведка...

— Не на фронте, но повоевать пришлось... — пробормотал я, вспоминая свою прошлую жизнь, в которой потерял много боевых товарищей. — Вот, до сих пор война не отпускает.

— Так не было же войны? — лесник вскинул на меня кустистую бровь. — Почитай это первая такая. Или с финнами участвовал?

— С финнами, отец, с финнами, — кивнул я, чтобы закончить разговор, а про себя подумал. — Эх... Куда только не закидывала меня судьба, но теперь вся прошлая жизнь кажется какой-то ненастоящей. Будто все настоящее теперь здесь в сорок первом, где я должен не просто выжить, а сделать, что-то гораздо большее... Ради погибших своих друзей-товарищей. Казалось, они сейчас смотрят на меня откуда-то сверху и подмигивают, мол, держись Санёк, мы с тобой.

От таких мыслей плечи мои передернулись. Одно плечо почему-то не переставало дергаться и сейчас.

— Саня, что застыл? — тряс меня за плечо Михалыч. — Едут гады. Эвон их сколько. Что делать будем? Не справимся ведь!

Я выглянул из-за кустов. Наше укрытие на пригорке и обзор был, как на ладони. Поднимая клубы желтой пыли, к нам приближалась миниколонна. Впереди мотоцикл. Водитель в дурацких очках на пол морды и кожаных крагах почти до локтя. Пулемётчик вальяжно развалился в люльке и водит по сторонам дырчатым стволом пулемета.

Следом идет грузовик полуторка. С одной фарой и фанерными дверями. Нашенская машинёшка. Трофей, суки, захватили.

В кузове грузовика на скамейках, покачиваясь в такт ухабам, сидят двое в солдатских гимнастёрках. Петлицы сорваны, ткань колышется на ветру порванными лоскутами. Руки их связаны, на разбитых лицах угрюмая щетина и безысходность.

Напротив них в кузове на второй лавке покачиваются трое фрицев. Двое с карабинами, а унтер с автоматом.

За грузовиком телепается... Блин, это что? «Мерс»? Презентабельная махина сияла угольной чернотой и казалось чуждой в лесу.

– Зачем они наших пленных такой колонной сопровождают? – спросил цыган.

– Похоже, что «Бенц» не с ними. То есть с ними, просто к сопровождению прибился. Чтобы они его через лес провели.

– Мы на такую колонну не рассчитывали, – развел руками Рубин. – Что делать, дядь Саш, будем? Отходим? Или рискнём?

— Я уж свое пожил, — прокряхтел лесник. — Вы молодежь, вы и решайте. Меня уже бабка на том свете заждалась. Я, конечно, туда не тороплюсь, но ежели так получится, то...

— Предлагаю рискнуть, — прервал я Михалыча. — Не простой этот мерседес. Страсть, как хочется, узнать, кто там внутри.

Я махнул рукой:

— Работаем!

Мы отползли назад, вскочили и бросились к обратной стороне пригорка. Дорога делала крюк и выходила аккурат с той стороны сопки, где у нас уже все было заготовлено.

Вот только мотоцикл все портил. Не было его в моих расчетах вообще, один грузовик ждали. И с оружием у нас не густо. Одна граната, двустволка Михалыча, а у нас с Рубином по пистолету. Тут впору пулемет доставать.

Рубин метнулся кабанчиком через дорогу и протянул почти невидимую «жилу». После мы отступили в чащу и отошли назад, в хвост колонне.

Ба-бах! Мотоцикл зацепил растяжку и принял на себя волну внезапно вздыбившейся земли. Его руль вильнул и переднее колесо неестественно загнулось. Он крутанулся, рыча словно раненый зверь, и опрокинулся, стряхивая с себя два трупа. Задымил.

Дорога в этом месте узкая и мотоцикл наглухо перегородил дорогу. Грузовик резко встал, а фрицы попадали на дно кузова.

Бах! Бах! Выстрелы почти слились в один. Прежде чем немцы укрылись за дощатыми бортами Кузьма лупанул дуплетом из обоих стволов своей тозовки. Один фашист дернулся и повис на борте, раскинув «тряпичные» руки. Пленные тоже упали на дно кузова.

«Мерс» попятился назад. Водила явно хотел развернуться и дать деру. Ага. Значит, там не расчет автоматчиков внутри, а какая-нибудь важная пися. Уже проще.

Застрекотал автомат, забухал фашистский карабин. Из кузова по лесу открыли огонь. Пуля срезала ветку, та упала мне на макушку.

Бах! Бах! Мой ТТ-шник гавкал в ответ. Еще один фриц, распластался на дне кузова безвольной тушкой. Автоматчик прыгнул с другой стороны борта и укрылся за колесом. А «Бенц» продолжал споро пятиться назад.

– Уйдет, гад! – крикнул я. – Рубин! Останови его.

Парень отступил в лес и кинулся через чащу наперерез «Мерсу». Пока мы воевали с автоматчиком лаковая машина уже успела довольно далеко отъехать.

– Я обойду его справа, – крикнул я Михалыча, кивком указывая на то место, откуда отбрёхивался короткими очередями на нас автоматчик. – Ты отвлеки. Стреляй почаще.

– Добро! – Михалыч переломил двустволку и выбросил из патронника дымящиеся гильзы.

Я отполз назад в заросли. Теперь можно встать. Пригнулся и пробежал шагов пятьдесят по дуге. Снова вышел к до-

роге. Дальше ползком.

Чуть вдалеке слышны выстрелы. Это цыган расстреливает мерседес. Молоток. Догнал-таки.

Вот забахала двустволка лесника. Я продирался через кусты. Еще немного. Выплюнул паука и стер с морды паутину, раздвинул ветки... Вот он голубчик! Сидит за колесом полуторки, разложив под ногами запасные рожки. Где ж ты их, собака, столько набрал? К встрече с нами готовился? Будто заранее знал.

Ближе подойти нельзя. Проплешина между нами. Срисует и очередью полоснет по мне. Но и отсюда достать его можно. Я встал на колено, прицелился.

Поймал совмещение мушки и целика. Концентрация только на них, а серое пятно фрица маячит за ними на заднем плане. Нельзя взгляд на него переводить. Короткая задержка дыхания, плавный спуск. Медленно тяну указательным пальцем. Выстрела не жду, чтобы в последний момент спуск не дернуть. Тяну крючок равномерно и плавно. Мушка чуть гуляет на фоне мишени, но не выходит за ее границы. Бах! И труп! Автоматчик сполз вдоль колеса, опустив голову на грудь.

— Есть! — Я выскочил из зарослей и махнул леснику. — Рубину помогу!

Сам я уже мчался по дороге. Свернул за пригорок, и картина маслом. Мерседес встал с распахнутыми дверями. На руле с простреленной башкой повис водитель. Рядом с ма-

шиной на земле распластался грузный полковник. В руке по- смертно зажат кожаный чемоданчик. Застекленелые рыбы глаза неподвижно уставилась в небо. На лбу аккуратная ды- рочка, из которой сочится красный ручеек.

Из леса выскочил Рубин:

– Дядя Саша, я их... Я их обоих снял! Ты видел? Прямо в голову попал шоферу. А жирный выскочил и драпануть пы- тался. Даже пистолет не вытащил. Совсем трус, что ли?

– Молодец Рубин, целого полкана завалил. Вот только, лучше его живым бы взять, да партизанам переправить.

– Так не было приказа брать живым, – махал пистолетом парень. – Сам говорил, кладем всех, спасаем пленных!

– Не ждал я полковника, а что это за чемоданчик? – я взял портфель и отщелкнул сияющую серебром пряжку.

Пахло кожей, свежими печатями и бумагой.

– Ого! – я бегло просмотрел бумаги. Колонки цифр, густо покрытые печатными буквами страницы, печати с орлом и свастикой... – Да у нас ценный трофей похоже образовался.

Мы спешно вернулись к грузовику. Михалыч уже развя- зал пленных. Те собирали трофейное оружие.

Увидев меня и признав во мне старшего, один из них вы- тянулся в струну:

– Сержант Акинфеев, пятый мотострелковый полк.

– Капитан Волков, войсковая разведка, – кивнул я. – Ка- кие планы на жизнь бойцы?

– К нашим вернуться, – пожал плечами сержант.

– Далеко идти придется, – ухмыльнулся я. – Через линию фронта перебраться сложно. Слушай мою команду, сержант. Собираете оружие и выдвигаетесь с моим человеком, – я кивнул на Кузьму. – Он спрячет вас в своем доме в лесу. А завтра проведет к партизанам. Лишние бойцы им не помешают, да и вы сможете Родине пользу принести. Все лучше, чем погибнуть, пересекая линию фронта. Самое главное, особиста местного убедите, что вы не перебежчики, и сами в плен не сдавались.

– Да мы... – Сержант ударил себя в грудь. – Нас в окопе завалило. Землей! Чуть не задохнулись. Нас взяли, как котят. Нас же в концлагерь везли, если бы мы перебежчиками были, разве ж бы нас повезли туда?

– Все понимаю, – кивнул я. – Передавайте особисту от меня привет. Скажите, что я могу засвидетельствовать, что вас в лагерь везли. Передайте, если что, придет капитан Волков и засвидетельствует по полной. Так ему и скажите.

– Есть, товарищ капитан!

* * *

Начало сентября 1941 года. Псков, комендатура.

Вообще-то мероприятие было «для своих», в смысле, для фрицев, а не для их русских наемников. Но в немецкой комендатуре я был чуть ли не единственным русским, да и то из-за эксцентричности графа, так что выгонять меня никто

не стал. Актальный зал, который когда-то в прошлом был в этом особняке балльным залом, украсили в лучших традициях Третьего Рейха – полотнища со свастиками, великанский портрет фюрера, массивная кафедра, которую, наверное, откуда-то из университета сперли...

Стулья, кстати, тоже родными не выглядели. Больше были похожи на театральные. Впрочем, наверно ими они и являлись. Псковский драмтеатр грозились открыть для зрителей где-то к середине месяца, но пока что труппа репетировала. А стулья...

Бл*ха. Дались мне эти стулья... Я скромно притулился в задней части зала, не претендуя на сидячее место. Вокруг кишели сплошные истинно-арийские рожи. В мундирах и без.

Опа... А вот и Юрген. С фирменным выражением на лице. Нечто среднее между ехидной ухмылкой и презрительно оттопыренной губой. Выглядит как огурчик, на меня – ноль внимания.

Возле кафедры небольшая толчея. Стоит Зиверс, что-то заясняет, размахивая руками. Его обступили несколько местных шишек и слушают внимательно. Иногда громко и заливисто ржут. Что-то интересное рассказывает, подонок. Наверное, про своего дружка Рашера и его последние эксперименты в Дахау... Вон тот хрен с лицом, будто ему под носом говном намазали, кажется новый военный комендант Пскова. Хотя может и просто похож.

Фрицы рассаживались, рожи у всех довольные, будто ки-

но пришли посмотреть. Шушукуются, гогочут.

Марта куда-то делась. Графа нет, странно...

Будут спрашивать, какого черта я тут делаю, отмажусь, что заблудился. Мол, все пошли и я пошел...

Тут Зиверс одернул свой бархатный пиджачок и двинул к кафедре. Взобрался за нее, позвенел колокольчиком. В зале тут же воцарилась тишина. Франт из Аненербе выдержал паузу, потом выкрикнул:

– Хайль, Гитлер!

– Зиг хайль! – рявкнул в ответ зал, и руки в едином порыве взметнулись в жесте «от сердца к солнцу». Я на секунду протормозил, но потом тоже поднял. Мысленно хохотнул, подумав, что если кто-то прямо сейчас зал фотографировал, то я запросто мог попасть в кадр зигующей толпы как тот знаменитый тип, который руки не поднял.

– Мне выпала великая честь – работать во славу Великой Германии! – пафосно начал Зиверс. Я слушал его вдохновенную речь, делая мысленные зарубки о его планах, вычленив их из моря демагогической болтовни, которую он выплеснул на слушателей. На шутки и заигрывания с публикой мне было плевать, я хотел услышать главное – что он собирается делать, и какие изменения в связи с его появлением ждут местных жителей.

Первое, что я сразу понял, что он прежде всего администратор. И он намерен в кратчайшие сроки переоборудовать варварскую советскую психушку в современный исследова-

тельский центр, который послужит на благо Великой Германии. Про вервольфа и ликантропию не сказал ни слова, разумеется. Беглым осмотром плана выделенного ему помещения и прилегающих территорий он удовлетворен и надеется, что Плескау и его обитатели приложат все доступные усилия, чтобы подготовить это место для передовых и необычайно нужных исследований гениального доктора Зигмунда Рашера.

Трындец, конечно... Обычно при упоминании нацистских врачей-изуверов все вспоминают Менгеле. Но по-моему Рашер был гораздо хуже. Да что там, его даже сами фрицы сочли преступником и повесили в Бухенвальде еще до конца войны. Да уж, привалило нам счастье...

На кафедре Зиверс тем временем подкручивал усы и, активно жестикулируя, расписывал сияющие перспективы медицинских исследований с Плескау. Переоборудование психушки – это было только начало его планов. Буквально на этой неделе он намерен заложить в окрестностях стройку большого концлагеря Аненербе, чуть ли не Дахау-2.

Эмоции к этому моменту я отключил. Смотрел на Зиверса, а думал про Яшку. Бл*ха, он же как раз там, в той самой психушке, которую отдали этим живодерам на растерзание! Интересно, Юрген вообще был в курсе всего этого? Хотя с чего бы? Как я понимаю, этот десант Аненербе – внезапное решение, которого в изначальных планах не было. Поискал зачем-то его лысую голову среди зрителей. Ага, вон он сидит

в третьем ряду, склонился к какой-то белокурой фройляйн и что-то шепчет ей на ухо.

Странно, почему граф не пришел? Все сливки собрались, а его сиятельство изволил проигнорировать это мероприятие? Не любит Зиверса? Или есть другая причина...

Зал разразился аплодисментами настолько громкими, что с потолка посыпалась известка. Франт в бархатном костюме вышел из-за кафедры, отвесил церемонный поклон, помахал руками и направился к выходу. Все поднялись, тут же возникла толчея, которой я и воспользовался, чтобы из зада выскользнуть.

– Ты куда пропал? – напустилась на меня Марта, как только я зашел в кабинет. – Я по-твоему на русском должна печатать что ли? Если мы не закончим сегодня, то герр граф с нас живьем кожу дерет!

– Прости, случайно заблудился, – смущенно начал оправдываться я, садясь за стол и открывая папку. – Все куда-то шли, я тоже пошел, попал на речь Зиверса, а выйти в середине было неудобно. А герр граф, что, уже ушел?

– Да, сразу же, как только узнал, что приехал Зиверс, – сказала Марта, усаживаясь на угол моего стола. Я покосился на ее крутое бедро.

– Они друг друга не любят? – спросил я, положив перед собой лист бумаги.

– Это еще мягко сказано! – Марта засмеялась и покосилась на дверь. Потом наклонилась ближе ко мне, почти

уткнувшись мне в лицо распахнутым воротом своей рубашки, и зашептала. – Первая жена графа сбежала с Зиверсом. А он не стал на ней жениться и бросил где-то в Гамбурге или в Мюнхене. А граф, между прочим, герра Зиверса в своем поместье как родного принял!

«Надо бы побольше общаться с Мартой, она ведь на самом деле кладезь ценной информации!» – подумал я, как бы невзначай касаясь ее груди тыльной стороной ладони. Марта игриво отпрянула.

– Ай-ай, герр Алекс, у нас ведь много работы! – встала, одернула форменный жакетик и прошлась по комнате, виляя бедрами. – Ну когда уже ты хотя бы один документ закончишь, чтобы я могла его напечатать?

– Твои прелести все время меня отвлекают... – сквозь улыбку пробормотал я и склонился над первой страницей из папки.

За окном уже давно стемнело, жизнерадостная радиотрансляция закончилась, а мы с Мартой все работали. Я торопливо выводил буквы, переводя на немецкий инструкции по сборке некоторых элементов янтарной комнаты, вперемишку с описанием ее деталей. Всю эту конструкцию из окаменевшей смолы на самом деле придумали и воплотили в реальность немец и датчанин. По заказу прусского короля. И называлась эта композиция тогда «янтарный кабинет». А заказал ее прусский король, чтобы преподнести в дар Пет-

ру Первому. А уже потом, когда Петр умер, Екатерине захотелось перенести это чудо архитектурной и художественной мысли в свою загородную резиденцию в Царском селе. И вот тут уже в дело вступил Растрелли, который добавил скромному и элегантному янтарному кабинету российской роскоши.

Почерк у него, конечно, тот еще... Еще и русский язык в восемнадцатом веке был не совсем такой, как сейчас...

В общем, к тому моменту, как документы в папке наконец-то иссякли, мои глаза и пальцы уже пытались сказать мне прости-прощай.

– Наконец-то! – Марта откинулась на спинку стула. – Я думала, это никогда не закончится! Ого, уже час ночи... Алекс, ты не проводишь меня до дома? Может по стопочке хереса перед сном?

– С удовольствием, – я устало улыбнулся, снял очки и потер уставшие глаза.

– Граф сказал, все документы запереть в шкафу, – сказала Марта и вскочила. – Подожди минутку, хорошо?

Марта собрала все бумаги в одну толстенную стопку и скрылась в кабинете графа.

– Кстати, Алекс, а что ты делаешь послезавтра? – громко спросила она.

– Хм... Мы видимся каждое утро, так что ты точно знаешь, что я буду делать послезавтра, – усмехнулся я.

– Да нет же, я про вечер! – в кабинете скрипнула дверца,

раздался скрежет закрывающегося замка. – У моей подруги собирается вечеринка. Туда все идут с кавалерами, только я одна. Может составишь компанию?

– Хм... – я почесал в затылке. – Вечеринка?

– Алекс, ну правда, пойдем, а? – Марта вышла из кабинета графа и заперла дверь. – Будет весело, я тебя с ребятами познакомлю...

– Хорошо, если герр граф нас работой опять не завалит, – я тоже встал, снял со спинки стула свою гимнастерку и направился к двери.

– Прекрасно! – Марта взяла меня под руку.

Я замер и прислушался. Придержал Марту, которая потянулась к ручке двери.

– Что такое? – недоуменно проговорила она.

– Тсс! – я приложил палец к губам и прильнул к двери ухом. Да, точно, этот звук, который меня насторожил, это крадущиеся шаги. Кто-то прошел мимо нашей двери, пытаюсь сделать так, чтобы мы его не слышали. Только пол в коридоре был из разошедшегося паркета, наступить на который бесшумно даже у ниндзя не получится.

– Слышишь? – спросил я у Марты.

– Я думала, что кроме нас и часовых в здании никого нет, – шепотом же ответила она. Страха в глазах – ни грамма вообще! Только холодные искорки азарта и возбуждения.

– Давай узнаем, кто это и что задумал? – предложил я. – Сейчас я выключу свет и мы выйдем. Громко. Ты иди к вы-

ходу, и разговаривай, будто я рядом. А я проберусь следом за этим... И посмотрю. Хорошо?

Марта кивнула. Я протянул руку и выключил свет.

– Так ты говоришь, у тебя есть бутылочка хереса? – намеренно громко спросил я. Кто бы там ни пробирался мимо кабинета, он точно нас слышал. И будет как-то глупо тихариться.

– Ну, если быть честной, то там осталось всего половина бутылки, – защебетала Марта. Ее каблуки громко застучали по коридору в сторону выхода. А я осторожно и почти бесшумно двинулся в ту сторону, куда ушел наш загадочный «некто».

Голос Марты отдалялся, я крался вдоль стены. Подобрался к повороту коридора, собрался выглянуть. И тут со стороны выхода раздался громкий крик девушки.

Глава 2

Я бросился к Марте, не сразу сообразив, что кричит она не от испуга или нападения, а скорее удивленно. Н-да, картина маслом. Рядом со стулом, которого по уставу явно рядом с дверью не полагалось, мешком валяется часовой. Каких-то видимых повреждений на теле не видеть. Винтовка его стоит аккуратно в уголке. А умничка Марта присела рядом и сунула пальцы под ворот серого кителя.

– Жив? – быстро спросил я. Только она открыла рот, чтобы ответить, как в глубине здания раздался грохот, звон чего-то разбитого и негромкий, но выразительный хлопок.

Стреляли из ствола с глушителем!

Я скачками помчался в ту сторону. Сонность и усталость, ясен перец, как рукой сняло.

Не нужно было быть великого ума, чтобы понять, откуда раздался выстрел. Кроме двери нашего с Мартой кабинета, распахнута была только одна, в самом конце коридора. Там горел свет, и оттуда были слышны звуки отчаянной борьбы.

Вламываться нахрапом не стал, подскочил к двери и осторожно заглянул.

Так... Рядом со столом валяется свороченная оттуда печатная машинка, у окна – вдребезги разбитая фарфоровая ваза, а среди ее бело-голубых осколков маячит вороненый бок какого-то пистолета. А у стола какой-то хмырь в граж-

данском пытается задушить русоволосую женщину в розовом шелковом платье и лаковых туфлях на высоких каблуках.

– Что за хрень тут происходит?

Мозг мгновенно оценил обстановку. Женщина в опасности. Судя по валявшемуся на полу несуразному пистолету (громоздкая трубка с рукояткой, явно оружие с глушителем) по ее душу пришел киллер.

Я бросился на помощь, но под ногами предательски зазвенели осколки вазы. Нападавший обернулся и наши взгляды встретились. Он молниеносно отшвырнул девушку, та, схватившись за горло, сползла на пол. Киллер встретил меня ударом кулака. Грамотно бил, как из пушки выстрелил.

Я по-боксерски отклонился. Чуть присев, и выдал встречную двоечку. Но противник явно не пальцем деланный. Умело блокировал мои кулаки, и сходу зарядил носком ботинка мне в колено. Метил прямо в сустав, падла. Чудом я успел отпрыгнуть, его стопа лишь скользнула по колену. В ту же секунду он сократил дистанцию вцепился в меня мертвой хваткой. Резко подсел, выходя на бросок.

Хрен тебе! Я перехватил его руки и чуть отстранил от себя, не давая бросить через бедро. Тип извернулся и все же пошел на прием. Дернул меня так, что я почти повис на нем сверху, но бросить не смог, я все-таки вовремя разорвал дистанцию.

Я тут же схватил его за шею, пытаюсь накинуть захват «ги-

льотина». Мне почти удалось. Хрясь! Киллер вломил пяткой по моей стопе. Адская боль отдала вспышкой перед глазами. Я почувствовал каждую косточку плюсны. Руки мои невольно расцепились, и я тут же словил удар в живот. Второй удар предназначался мне в морду. Еле ушел от него, снова вильнув корпусом по-боксерски. Отступил, чуть хромя.

А гад не так прост. Явно подготовлен. Вот только пистолет почему-то валяется на полу. Видно, эта девица каким-то образом умудрилась выбить его у него из рук. Странно все это. Хрупкая девушка смогла оказать сопротивление такому монстру. Все эти мысли пронеслись за долю секунды. А противник схватил со стола бронзовую статуэтку в виде полуголой девицы и ринулся на меня уже с «оружием». Бля! Статуэтка – увесистая, череп на раз раскроит.

Я подхватил стул и нанизал нападавшего на четыре «рога». Думал, что нанизал, но тот в последний момент втиснулся между торчащих ножек и с силой толкнул. Я отклонился назад и споткнулся обо что-то. Грохнулся на спину и тут же перекатом ушел в сторону. Вовремя. В том месте, где только что была моя голова, филенку паркета пробила брошенная статуэтка.

Я почти вскочил на ноги, когда сверху на меня навалилась туша. В руке нападавшего блеснул уже осколок вазы. Он чиркнул мне по горлу, но я успел отбить его руку локтем. Осколок отлетел в сторону, а гад вцепился мне в глаза, пытаясь выдавить их большими пальцами.

Сволочь! Обучен одерживать победу любыми способами! И глазам бы моим пришел каюк, да только мы барахтались, и он никак не мог удержать равновесия. Все равно, на секунду мне показалось, что я ослеп. Я подсунул свои руки под его и рывком отбросил их в стороны.

Моргнул, вроде вижу! Бам! Получил чувствительный удар по голове кулаком. В лоб. Он у меня крепкий – не с страшно. Бам! Снова удар. Противник сверху. Главное, чтобы челюсть не пробил, тогда вырубить может. Я прижал подбородок максимально к груди, не давая ему пробить уязвимое место. Вцепился в его одежду и рывком скинул с себя. Перекатился и теперь я уже сверху. Ну, теперь поговорим!

Обрушил на него шквал ударов. Сыпал кулаками, как отбойный молоток. Киллер ушел в глухую защиту. Обхватил голову руками и в позе эмбриона прикрыл живот локтями. Раз! Раз! Мои кулаки врезались то ухо, то в лоб. Так не пробить. Выбрав момент, я подхватил с пола статуэтку, но пока тянулся за ней, потерял долю секунды. Враг воспользовался моментом и, оттолкнув меня от себя, протиснул между нами свое колено. Распрямил ногу и уже ей оттолкнул меня еще дальше. Но я все рано на дистанции удара. Замахнулся статуэткой, еще мгновение, и раскрою ему череп.

Хрен-то там! Он лягнул меня, как дикая лошадь. Ботинком прямо в грудь. Меня отшвырнуло к стене. Спиной приложился к батарее. Бац! Аж искры из глаз. Дыхалку сперло, а во рту привкус крови.

«Только бы ребра не сломал!» — мелькнула мысль. Иначе я не боец. Попытался встать, опершись о батарею. Противник, тоже поднялся. Ошалело огляделся. Нащупал взглядом пистолет и ринулся к нему. Но не успел. Я уже очухался и нырком скользнул по полу к оружию. Упали мы на паркет одновременно, хватаясь за пистолет. Тот игриво выскользнул из двух пар рук. Перекувырнулся в воздухе и улетел в угол. А мы снова сцепились в смертельном клубке.

Но противник явно уже подсдох. Лицо его побелело. Он выкатывал глаза и тяжело дышал. Я еще немного помотал его по полу. Вязал руки, пытаясь выйти на боковой. Бить в голову уже сил не было. Наконец, мне удалось взять его руку в замок. Рывком я завернул ее ему за спину. Придавил всем телом к полу его тушу. Теперь можно гада придушить или шею свернуть.

В пылу борьбы чуть так и не сделал. Но вовремя опомнился. Почувствовал на себе взгляд девушки. Нельзя его добивать, я же клерк. Как я могу убить человека? Хотя, она видела, как бьется клерк. Но если что, отбрехаюсь. Скажу, мол, выдумала девчонка все, у страха глаза велики. Побарахтались чуть-чуть, сам не знаю, как я руку ему заломил. А если труп будет, тут уже перед дознавателями не отвертишься. Много вопросов будет к простому учителю немецкого языка. Выход один. Держать его, пока не придет подмога.

Хах! Не думал, что фашистов, когда-нибудь назову подмогой! Но противник вдруг подо мной задержался. Захрипел.

Его ноги судорожно застучали по полу. Эпилептик что ли? Он несколько раз взбрыкнул и обмяк. Что за черт? Будто сдох. Притворяется, паскуда? Но нет. Его шумное дыхание прервалось. Что же я ему такого повредил смертельно? Вот блин... Дело дрянь. Теперь допросов с пристрастием не избежать.

Под головой труп что-то белело. Я отпустил захват и перевернул его на спину. Из открытого застывшего рта шла пена.

Я все понял. Это был яд. Киллер раскусил капсулу. Во рту вшита? Скорее всего. Не мог он успеть что-то в рот запихать, я его контролировал. Ни времени у него не было, ни возможности...

Действовал я практически на автомате. Руки торопливо обшарили карманы незнакомца. Так, одежда добротная, деловой костюм темно-серый неплохого качества, рубашка, галстук... На ногах – ботинки из натуральной кожи... Выглядит как средней руки торговец или конторский служащий. Лицо... Уверен, что раньше я его никогда не видел. Истинно-арийского в его внешности ничего не было. Волосы темные, кожа светлая. В карманах пусто, как будто костюм этот только что сняли с вешалки в магазине. Хотя новеньким он не выглядит. Хотя нет, стоп... Что это?

Во внутреннем кармане пиджака мои пальцы наткнулись на полоску бумаги. Совсем крохотный клочок...

Развернул. Одна строчка на немецком. Напечатано на машинке.

«...Im Allgemeinen bedeutet die Verwendung hoher Tugenden, dass die Sache Müll ist...»

(... Вообще, когда в ход идут высокие добродетели – значит, дело дрянь...)

Ээээ... И, что это должно значить?

– И как зовут моего спасителя? – раздался вдруг женский голос. Глубокий, как будто вибрирующий. Такой голос отзывается сразу где-то внизу живота. Говорила женщина по-немецки, но с небольшим акцентом. Как будто славянским, но не русским.

Бл*ха, почти забыл ведь про нее, увлекшись азартным обыском.

– Алекс Вольф, – сказал я, поднимаясь на ноги. Потянулся рукой, чтобы поправить очки, но понял, что в горячке драки они куда-то улетели.

– Благодарю вас, герр Алекс, вы спасли мне жизнь, – она сделала несколько шагов и остановилась, как будто чтобы дать мне себя внимательно рассмотреть. А посмотреть, прямо скажем, было на что... Будь я помоложе, от ее внешности у меня бы натурально в зобу дыханье сперло. Молодая, но не юная. Лет двадцать пять, наверное. Розовый шелк платья совершенно варварски разорван, обнажая красное кружево белья. Безупречная молочно-мраморная кожа, идеальные изгибы изящной фигуры. Совершенной практически,

живи она в мое время, я бы решил, что это творение гениального пластического хирурга, природа редко одаряет обычных людей такой безупречностью. Высокие скулы, лицо в форме сердечка, в ложбинке между идеальных полушарий груди льдисто поблескивают бриллианты замысловатого колье. И глаза... Хищно-янтарного цвета, огромные, притягательные... Даже разбитая губа никак не испортила это восхитительное видение... Да кто это такая, черт возьми? И как она тут оказалась среди ночи практически?!

Она явно знала, что красива. И уверенно этим знанием пользовалась.

– Ммм, герр Алекс, очень приятно познакомиться, – губы женщины тронула легкая полуулыбка из тех, которые обещают райское наслаждение, разумеется. – Меня зовут Доминика Радзивилл.

Радзивилл? Это Литва? Или Польша? Ассоциации всплывали самые что ни на есть благородные. Князья, короли... Вроде у какой-то актрисы была такая фамилия...

Женщина скользнула ко мне быстрым движением, ее изящные пальцы с красными каплями ногтей сжали мою кисть.

– Герр Алекс, здесь произошло какое-то чудовищное недоразумение, – заговорила она быстрым волнующим шепотом. – Меня явно хотели скомпрометировать, заманили в ловушку, воспользовавшись моей доверчивостью и тем, что я здесь человек новый. В честь моего друга и покровителя,

герра Зиверса, устроили сегодня вечеринку в офицерском клубе, официант передал мне записку, что герр Зиверс хочет со мной уединиться в одном из кабинетов... Ну, вы понимаете...

Ее чарующий голос плел словесные кружева, ее губы почти касались моего уха, ее тонкие пальцы поглаживали мою ладонь, ноздри щекотал горьковато-цветочный запах ее духов. Ох, и свистишь же ты, благородная госпожа... Прямо как дышишь. Скомпрометировать? Вот этот вот хрен с вшитой ампулой цианистого калия и новейшей моделью британской бесшумки?

– Алекс! – раздался от двери голос Марты. – Я вызвала охрану, через минуту здесь будут ребята из СД... Что у вас здесь произошло?

Чаровница с хищными глазами отступила от меня на шаг и уставилась на Марту. Две девушки смотрели друг на друга, как бы оценивая. Марта, крепко сбитая, с внушительными сиськами и круглой попой на фоне изящной тонкокостной Доминики смотрелась этакой простушкой, в лучшем случае милашкой, что на октобер-фесте пиво разносит.

– С вами все в порядке, фройляйн Радзивилл? – холодно спросила она, когда «игра в гляделки» закончилась.

– О да, герр Алекс настоящий герой, он спас меня от этого... Странного человека, – взгляд янтарных глаз метнулся к распростертому посреди комнаты телу незнакомца. – А вы, простите, не знаю вашего имени...

– Часовой без сознания, – проигнорировав ее вопрос, сказала мне Марта. – Не знаю, что с ним, не смогла привести в чувство. Второго найти не смогла.

Да уж, какие-то непонятные игры тут происходят, вот что... О, черт! Марта вызвала СД-шников, и скоро они будут здесь! Куда, черт возьми, улетели мои очки? Мне нужно срочно вернуть их на нос, чтобы достоверно блеять безопасникам, что все вышло как-то случайно, и этот неизвестный хрен сам себя убил... Что, кстати, было отчасти правдой.

– А герр Алекс разве не из СД? – удивленно распахнув янтарные глаза, спросила Доминика. – Я думала, что...

– Алекс личный переводчик графа фон Сольмс-Лаубаха, – вместо меня ответила Марта. От ее голоса веяло прямо-таки арктическим холодом. Кажется, скоро стены инеем начнут покрываться! Н-да, а моя девочка не любит эту Радзивилл. И без представления ее знает. Хотя выводы я делать бы поостерегся, с женщинами никогда не предскажешь, в чем дело. Эта хищная Доминика могла как горло родителям Марты перегрызть, так и просто Марте показалось, что она посмела слишком близко ко мне приблизиться.

– Сольмс-Лаубаха? – медленно повторила Доминика и посмотрела на меня. В янтаре ее глаз вспыхнули искры неподдельного интереса.

По коридору загрохотали сапоги, и в кабинете тут же стало серым-серо от мундиров.

Марту и меня моментально оттерли к стене, но мы осо-

бенно не протестовали. К нам пока что вопросов не было, СД-шников больше интересовал труп на полу.

Я присел на стул, лениво наблюдая за их работой. Но взгляд мой то и дело притягивала Доминика. На ее разорванное платье кто-то из СД-шников заботливо набросил серый китель. Ее усадили на стул, на столе перед ней моментально появился графин с водой и россыпь разноцветных леденцов «Бон-бон». Лицо ее снова неуволимо преобразилось, теперь янтарные глаза выражали испуг и растерянность, тонкие пальчики дрожали, она покусывала тревожно губы, плечи ее вздрагивали при любом громком звуке.

Вот ведь актриса... Кто же ты такая, Доминика Радзивилл? Какого черта тебе было надо в канцелярии? И почему тебя хотел убить этот недоделанный Джеймс Бонд?

– Герр Волков, – невысокий гауптшарфюрер придвинул стул и сел напротив меня. – Что вы делали в здании комендатуры в такой час?

– Герр граф поручил нам срочную работу, поэтому мы с Мартой задержались, – честно ответил я.

– Герр граф это подтвердит, если я у него спрошу? – холодно прищурился СД-шник.

– Разумеется, подтвердит! – возмущенно воскликнула Марта. – Если что, это я вызвала охрану!

– С вами мы тоже побеседуем, фройляйн, – чопорно проговорил фельдфебель. – Герр Волков, расскажите, что произошло.

– Мы закончили работать и собирались выйти из кабинета, – сказал я. – Было уже около часа ночи. За дверью слышали, как кто-то крадется. Я пошел следом за этим человеком, – кивок в сторону тела. – Увидел, что он схватил фройляйн Радзивилл. Бросился на него, не раздумывая. А потом у него изо рта пошла пена, и он умер.

Я поправил очки. Хорошо, что успел их подхватить с пола до того, как сюда вломилось стадо СД-шников. А то растоптали бы, как пить дать.

– Вы что-то трогали здесь после этого? – СД-шник подался вперед.

– Нет, – я покачал головой. – Фройляйн Радзивилл была испугана, я разговаривал с ней, чтобы успокоить. Герр обер-фельдфебель, а можно мы пойдем домой? Мы сегодня долго работали и очень устали. Кроме того, я все вам уже рассказывал...

– Пойдете, когда вам позволят, – СД-шник встал и отошел от нас с Мартой. Мы переглянулись, Марта вздохнула и подняла глаза к потолку. Мол, эта волына надолго, расслабься и получай удовольствие, дядя Саша.

К двум часам ночи я почувствовал, что засыпаю сидя. Труп неизвестного сфотографировали во всех ракурсах, сделали всяческие замеры, долго передавали из рук в руки странной формы пистолет, больше похожий на трубу с приделанной снизу крохотной рукояткой. Модель-1, прототип будущего Велрода, британского бесшумного пистолета для

всяческих спецопераций. Но это я знал, а фрицы видели это оружие явно впервые в жизни. О чем и переговаривались удивленно.

К половине третьего дверь распахнулась, и в проеме появилась долговязая фигура Юргена. За спиной его маячили двое громил из Абвера.

Глава 3

Ага, значит за дело взялась контрразведка. Что ж, логично.

Глаза Юргена торопливо обежали комнату, не задержавшись на мне даже на лишнюю секунду. На Доминике, впрочем, тоже. Хотя она явно намеренно не слишком хорошо прикрывала разорванные лоскуты своего платья, чтобы сверкнуть перед новыми действующими лицами красным кружевом белья.

– Штурмбаннфюрер! – оберфельдфебель вытянулся в струнку. – Я провел первичный осмотр места происшествия, и...

– Вольно, – махнул рукой Юрген. – Вы отлично поработали, можете идти. Теперь делом займутся мои ребята. И да... Держите язык за зубами, ясно вам?

– Так точно, Штурмбаннфюрер! – СД-шник зиганул и вышел. Остальные потянулись за ним. Юрген пересек комнату и сел напротив меня на стул.

– Что здесь произошло, герр Волков? – спросил он.

Я слово в слово повторил свой рассказ. Юрген покивал. Вид у него был несколько растрепанный, от него исходил отчетливый запах шнапса. Скорее всего его выдернули с той самой вечеринки, которую в честь Зиверса устроили. Кто-то додумался сбегать и доложить, что тут дело явно по его

части. Кучеряво устроился, Штирлиц лысый. Работает в той самой конторе, которая его же ловить и должна. Молоток.

– Герр Волков, фройляйн Марта, – сказал Юрген и очки его сверкнули. – Вы должны подписать это.

На стол легли два бланка с германскими орлами со свастикой.

– С этого момента вы не должны обсуждать обстоятельства этого дела ни с кем, кроме меня, ясно вам? – он грозно уставился на нас. – В ином случае вас ждет обвинение в государственной измене и смертная казнь.

Я мысленно присвистнул, но на самом деле не удивился. От этого дела и впрямь за версту несло шпионскими играми. А значит, как водится, строжайшая секретность и все такое. Может даже проштрафившегося часового под шумок убьют... Похоже, второй работал на британскую разведку, вырубил первого и сбежал. И тогда этот “Джеймс Бонд” со своей бесшумкой пробрался в здание вслед за Доминикой, чтобы... Чтобы что? Если бы он хотел ее просто пристрелить, наверное, она была бы мертва. Или она настолько крута, что спиной почувствовала угрозу, пинком в прыжке выбила пистолет, и...

– Герр Волков, я жду! – холодно напомнил о себе Юрген.

– Да-да, конечно, – залопотал я. – Извините, растерялся, день был очень длинный, устал, знаете ли...

– Ваша работа меня не касается, – презрительно скривил губы Юрген. – Подписывайте, и можете идти спать.

Я взял ручку и поставил свою подпись. Пробежался глазами по печатному тексту проформы ради. Так-то мне было все равно, что я там подписываю.

– Теперь все? – спросил я, поправив очки. – Мы можем идти?

Юрген аккуратно сложил обе бумажки, мою и Марты, в свою папку и кивнул одному из своих громил.

– Гейнц, проводи герра Волкова и Марту к выходу.

На улице было уже не по-летнему холодно. На небе сияла серебром полная луна. И от ее серебристого света делалось еще холоднее. Где-то уныло завывала собака. Я поежился. Захотелось закутаться в свою многострадальную гимнастерку еще теснее. Подумалось, что надо бы обзавестись одеждой потеплее, лето явно закончилось, а потом еще и зима настанет...

– Помнится, кто-то говорил про бутылочку хереса... – задумчиво сказал я.

– Уже поздно, – буркнула Марта. – А еще нужно успеть выспаться...

Она отстранилась. Ну вот тебе здрасьте, обиделась? Нет-нет-нет, милая, так просто я от тебя не отстану. Ты же ценный источник информации, прямо-таки сущий кладезь! Я обнял девушку за талию и притянул к себе.

– Мы уже и так выспаться не успеем, так что давай проведем это время с пользой, – прошептал я ей на ухо и легонько куснул.

Марта для вида повырывалась, заметно было, что слегка сердится. Что ей такое в голову взбрело, шут ее знает... Но через несколько секунд захихикала, расслабилась и подставила губы для поцелуя.

– И правда, – проворковала она. – И до работы тебе идти будет ближе...

Квартира Марты оказалась в паре кварталах от комендатуры, расположилась на первом этаже аккуратной трехэтажки с дореволюционной фасадной лепниной и черепичной крышей.

– Проходи, – Марта отперла скрипучую деревянную дверь и, впустив меня внутрь, щелкнула выключателем.

Ухоженная и простенькая однушка. В комнате железная кровать с пирамидой пуховых подушек и накрученными на прутья спинки блестящими шарами, резной комод из потемневшего дерева, угрюмое трюмо заставленное флакончиками и какими-то дамскими коробочками. В центре круглый стол, накрытый вязаной белой паутинкой. На стене репродукция «Девятого вала» Айвазовского соседствует с самошитой подушечкой, которая, будто ёж ощерилась воткнутыми в нее швейными иголками.

– А у тебя уютно, – улыбнулся я.

– Здесь до меня жила какая-то старуха, – оправдывалась Марта, будто уловив в моем голосе скрытую иронию.

Она достала из угловатого, похожего на гроб для великана, буфета бутылку белого крепленого вина. Не помню, что

я когда-то пробовал херес, но сделал вид, что напиток для меня привычный. Ведь я ж интеллигент, блин. Откупорил вино и разлил по бокалам, которые Марта уже успела выставить на стол.

Неплохо устроилась. Хрусталь, вино... Подготовилась, однако. Я невольно загляделся на ее обнаженную спину, когда Марта не стесняясь меня, скинула форменный жакет. Затем стянула юбку, сверкнув наливной попкой во всей красе. Даже слишком объемное по современным меркам, нижнее белье, не смогло скрасить ее прелести.

Я сглотнул. Мозг кольнула неприятная мысль. Внутренний голос проговорил:

– Саша, она враг, что ты делаешь?

Твою мать! Почему это было сказано голосом Наташи? Я стряхнул наваждение, и сразу нашел себе оправдание. На войне, все средства хороши. Марта определённо ценный для меня кадр. Было бы непростительной глупостью, не использовать ее тягу ко мне. Думаю, что проверки на мой счет уже закончились, и сейчас она действовала не по указке графа, а исключительно исходя из своих собственных желаний.

Хорошо, когда наши желания совпадают. Она хочет быть рядом со мной, ради кусочка большой и чистой, а я... А, я тоже совсем не прочь получать таким способом нужную мне информацию. Да? Ведь ради победы же. Оправдания вроде прокатили, и моя совесть в образе Наташи, спряталась в закоулки моей грешной души.

Марта накинула шелковый халатик и подсела ко мне. Взяла бокал и протянула навстречу моему:

– Алекс, за что выпьем? Давай за победу Великой Германии...

– Давай просто за Победу, – предложил я. – За Великую Победу.

Дзинь, – наши бокалы встретились в легком поцелуе.

Я сделал несколько глотков. Затем еще. На вкус как алкогольный виноградный сок. Но ничего так. Не разбираюсь я в винах. Но приятное тепло вмиг разлилось по жилам. Изголодавшийся по алкоголю организм первые глотки встретил с трепетом и вожделением.

– Как тебе херес?

Хотелось сказать, что пиво лучше, особенно с вяленой корюшкой и раками, но вслух я ответил:

– Волшебно! Давненько не пробовал ничего подобного.

Девушка сделала несколько глотков, а потом загадочно и пристально на меня посмотрела, в ее глазах сверкнули озорные огоньки:

– Какой ты все-таки загадочный, Алекс Вольф.

– Это еще почему, – я натянул на уже немного захмелевшую морду (с непривычки вино быстро дало в голову) простоватую лыбу. – Я обычный советский учитель, который годами мечтал о чем-то большем.

– Нет, нет... Ты не простой учитель. Меня ты не обманешь, Алекс.

Я напрягся и в ответ недоуменно пожал плечами, мол «моя твоя не понимай».

– Ты не простой учитель, – мурлыкала Марта. – Ты... Лучший учитель.

– А-а... – с облегчением выдохнул я, отбросив неприятные мысли, что мне не придется убивать Марту. – Есть такое, меня даже директором школы хотели поставить. Но отдел просвещения зарубил мою кандидатуру. Сказали, директором школы не достоин быть человек, который не состоит в коммунистической партии.

– Бедненький, – Марта сложила пухлые губки трубочкой и погладила меня по щеке, как мамочка сына. – Но теперь ты покажешь, что достоин большего. Война скоро закончится. Ты сможешь уехать в Германию. Группа армий «Север» скоро займёт Ленинград, а там и до Москвы рукой подать.

Я мысленно хмыкнул. Ну, ну... Наивные. До сих пор верят в план «Барбаросса». Но буквально уже к концу этого месяца тактика блицкриг (молниеносная война) обломает зубы о наши войска и потеряет свой наступательный порыв. РК-КА стабилизирует линию фронта и в итоге провал операции «Барбаросса» явится поворотным моментом Второй мировой. Уж мне ли это не знать. Гитлер локти будет кусать, когда поймет, насколько он недооценил противника.

– Давай не будем, о войне, – подмигнул я. – Все равно Победа будет за нами.

Я вновь наполнил бокалы. Дзинь! Мы чокнулись, отпили

по одной трети. Марта вдруг отставил свой фужер на стол и взяла меня за руку. Ее ладони были горячие.

– Скажи мне, Алекс, она тебе понравилась?

– Кто? – я округлил глаза, напустив на себя святошный вид.

– Ты знаешь, кто, – Марта схватила меня пальцами за подбородок (цепкие пальчики, как коготки коршуна) и пристально взглянула мне в глаза. – Эта польская сучка, которую ты сегодня спас. А меня никто никогда не спасал... А она хороша, правда? Стан, как у лебедя. Ну что молчишь?

– Да как-то не обратил внимания, – слукавил я. – Я без очков плохо вижу. Они слетели с меня, когда этот тип на меня напал. И вообще не до разглядываний было.

– Признайся, – ее язык чуть заплетался. – Она лучше меня, да? – Марта отпустила мой подбородок и, приосанившись подпёрла свою наливную грудь обеими руками, отчего та стала напоминать два упругих мячика, как с плаката рекламы пива, где девушка с подносом несет кружки с пенным, а на поднос через слишком большой вырез блузки, утянутой корсетом, вываливаются эти самые мячики.

Вот, блин... Сцен ревности только мне не хватало. Я не стал оправдываться, а решил просто заткнуть ей рот поцелуем. Отставил бокал, и притянул ее к себе. Марта жадно ответила на поцелуй, провела рукой по моему затылку, с наслаждением перебирая каждую прядку моих волос и горячо выдохнула:

– Ты такой необычный Алекс... Не знаю, почему, но меня к тебе тянет. Она стала спешно расстёгивать пуговицы на моей гимнастёрке, а я, подхватив ее на руки, понес к кровати.

* * *

Растрепанная светловолосая голова Марты лежала у меня на плече. Девушка уснула, а я переваривал только что полученную разрозненную информацию. Она и впрямь оказалась сущим кладезем информации. Вряд ли она была настоящей находкой для шпиона, конечно, никаких секретных сведений она мне между делом не выболтала. Но теперь я куда больше знал про внезапно нагрянувшего в Псков Вольфрама Зиверса, так и про загадочную Доминику Радзивилл. История, на самом деле какая-то сложная. Как и любой аристократ, жениться граф был должен на девушке подходящего сословия, но он был большой романтик, поэтому первый его брак не вошел ни в какие официальные источники. Девушка была красивая, но рода совершенно не знатного. И сам факт женитьбы он от всех скрывал. И вот тут-то в его поместье в Страсбурге нагрянул его соратник по НСДАП Зиверс. Который, кстати, уже тогда занимал важный пост в Аненербе. Что там случилось точно, никто не знает, но красотка-графиня сбежала с Зиверсом. Жениться на ней Зиверс не стал, просто она сопровождала его хвостом всюду. Влюбилась, по

всей видимости, в этого франта.

А потом на горизонте возникла эта самая Доминика. Очарованный Зиверс тут же бросил влюбленную дамочку. Бедняжка такого поворота событий не выдержала и повесилась. После чего историю благополучно замяли. Граф женился на девушке подходящего круга и заделал по-быстрому наследника, а Зиверс начал плясать под дудку невесть откуда появившейся сексапильной полячки. Трижды испрашивал у Гиммлера разрешение на ней жениться, но тот каждый раз находил какие-то отговорки. Ну да, все эсесовцы обязаны были получать разрешение на брак, чтобы чистота арийской расы не пострадала.

Что ж, обычное дело... Жизненные коллизии, ничего особенного. Правда, происхождение Доминики Радзивилл все равно осталось для меня тайной. Впрочем, похоже Марта и сама не очень много про нее знала. Или говорить не хотела. Она не была актрисой или певицей. Просто откуда-то появилась, и все. Выскочка, мол. Еще и полячка.

Доставать Марту и выпытывать подробности я не стал. По лицу было заметно, что если я еще хоть словом упомяну эту загадочную барышню, она мне двинет кулачком под дых. Или вообще с ноги пропишет. Что поделаешь, у девушек своя атмосфера...

Ну да ладно, узнаем потом другими путями, что это за птичку занесло в наши края...

Радзивилл... А может никакая ты не Радзивилл, дамочка?

Ну очень уж громкая фамилия...

* * *

– Может нам на работу порознь пойти? – спросил я, натягивая утром свои штаны. Марта крутилась перед зеркалом, укладывая ровными волнами волосы.

– Зачем? – удивленно округлила глаза она.

– А тебя не скомпрометирует то, что ты ночевала с мужчиной? – я встал, подошел к ней со спины, положил руки на талию.

– В каком смысле, скомпрометирует? – она посмотрела на меня в зеркале.

Я даже слегка смутился от ее прямоты. Все-таки, отношение к сексу в Германии и в СССР тех лет было кардинально разным. Или я делаю далеко идущие выводы по одной только простой и прямолинейной Марте?

Хотя... Вот пришли немцы в Псков. Переименовали его в Плескау, Октябрьский проспект – в улицу Гитлера, Ленина – в Плаунер, и так далее. И чуть ли не первое же, что открыли – это бордель. Даже два, на самом деле.

– Да так, просто что-то подумалось, вдруг я для тебя недостаточно арийского происхождения, так сказать, – усмехнулся я.

Замял разговор, в общем.

В комендатуре ночные происшествия не обсуждались вообще. Как будто накануне ничего не произошло. В канцелярии, где все случилось, не было никаких следов разгрома, вазу заменили на новую, машинку водрузили на место. Все занимались своим делом – носились с бумажками, отдавали указания вывесить на досках объявлений очередные запреты и увещевания. И самой большой новостью, которую все обсуждали, было то, что начальника управления труда покусала собака. Шел он, значит, по своим важным делам к разбитной вдовушке, что живет в частном доме в Завеличье. А там соседская псина бродит. Которой чем-то новый ухажер вдовушки не понравился. Вот собака и прокусила истинно-арийский зад и порвала форменные штаны цвета “фельдграу”.

Начальник этими событиями так опечалился, что попытался продвинуть закон о запрете держать дома собак размером больше крысы. И даже подготовил новое правило, по которым всех “бобиков” и “полканов” нужно отправить под нож. Но вмешался комендант, который собак как раз любил, а до задницы своего коллеги ему особо дела не было. Но еще больше герр Беккер любил деньги. Поэтому решил извлечь пользу из покусанного зада начальника управления труда, и приказ для псковичей переписал. Теперь за содержание со-

баки нужно было платить налог. Тем больший, чем больше твоя собака весит.

В этот день чуть ли не в первый раз за все время работы на графа, я отправился домой в положенное время, тогда же, когда и все остальные – до шести вечера. Рыночная площадь, уже, ясное дело, не работала. Зато не так давно открыли две лавки – продуктовую и хозяйственную. Вот они могли не закрываться до самого комендантского часа.

“А быстро площадь восстанавливают...” – думал я, пересекая свободное от торговцев пространство. Яму от взрыва уже заделали и даже как-то брусчатку восстановили. Останки сгоревших торговых рядов больше глаза не мозолили – их доломали и вывезли, а на их месте принялись возводить новые.

Гостиный двор вот только никто не брался восстанавливать. Так и стоял, полуразрушенный, светя пустыми проемами окон.

И не восстановят. В будущем от этого все еще симпатичного старого города не останется вообще ничего.

Свернул на Детскую. Дотопал до дома, поднялся на крыльцо.

– Рано ты сегодня, Саша, – рыжий Степан сидел на лестнице, ведущей только к одной обитаемой комнате. Моей. Присел на ступеньку, на колене – томик Достоевского в до-революционном еще издании.

– Случается и такое, Степа, – в тон ему ответил я и развел

руками.

– Значит, мне повезло, – уголки его губ дернулись, обозначив улыбку. – Думал, что долго тебя ждать придется. А то книжка скучная какая-то, студент бабушку топором убил и страдает ходит.

Глава 4

– У меня к тебе дело, Саша, – без всяких обиняков, глядя мне прямо в глаза, заявил Степан. – Помнится, ты говорил, что сочтемся. Я надеялся услугу эту приберечь на черный день, только вот настал он... Немного раньше, чем хотелось бы.

– Чем смогу – помогу, – сказал я, усаживаясь на ступеньку рядом. – Мы можем ко мне подняться, но в моем скворечнике мы вдвоем можем не поместиться.

– Ничего, здесь тоже неплохо, – бледные губы Степана растянулись в улыбке. – И подслушать никто не сможет, твоя соседка прогуляться пошла, а пацан ее не из болтливых.

– Тогда выкладывай, что там у тебя, – кивнул я и приготовился слушать.

– Я не сказать, чтобы шибко хороший человек, – начал Степан откуда-то издалека. – Денежки я люблю. И чтобы горбатиться за них не приходилось тоже люблю. И пока немец не пришел, жили мы с друзьями в шоколаде со сливками. Потому что советская власть – она, конечно, вещи говорит правильные... Вот только мне уже не двадцать – голодранцем-то бегать и лозунги кричать. Я деловой человек...

Я внимал, не перебивая. Плохо как-то на Степана Достоевский подействовал. Морально-этические вопросы в его хитрожопой польской башке зародил. Но торопить не стал.

Хочет он лепить тут всякие оправдания своим поступкам – да нехай. У всех есть в шкафах скелеты, костями которых хочется иногда и погреметь. А то, что они там зря стоят, право слово?

– ...кому-то икорочка требовалась на завтрак. И винишко французское, – продолжал свою плавную речь Степан. – А ежели платить способен, так отчего же не помочь? Так вот! Я это все к чему? Я, Саша, человек очень хорошо к обстоятельствам приспособливающийся. Пришел немец, найдем и ему применение. Тем более, что товара они привезли... Ух! Но ты не думай, что мы совсем уж беспринципные выжиги. С самого начала решили, что на фрицев работать мы не будем. И в основном их топливо и продукты через нас шло партизанам.

Ага, понятно, к чему он вел. И судя по тому, что на лице его появилась сосредоточенность, он готов перейти к сути.

– Вот, какое дело у меня, Саша, – сказал он и посмотрел мне в глаза. – Склад у нас был промежуточный. В хорошем месте, никому до него сроду дела не было, кому надо соваться в госпиталь для скорбных умом? В психушку то есть. Территория большая, хозяйство, опять же. Склады, надворные постройки... В общем, был у нас верный человек, который обеспечивал отличную перевалочную базу. Немцы у них, конечно, скот угнали, но в остальном... В остальном все шло как и раньше. До недавнего времени.

Лицо у Степана выражало скорее недоумение, чем ка-

кие-то другие эмоции. А вот мое вежливое внимание сменилось настоящим неподдельным интересом к его истории. Госпиталь скорбных умом? Вряд ли совпадение.

— Курьер наш пропал сначала, — сказал он. — Отправили парня с весточкой, а его на подходе из автомата срезали. Ну мы, вроде как сунулись выяснять, что да как. Митяя отправили в Черняковицы остороженько. А он вернулся и говорит, что гаплык там. Нагнали туда военнопленных, над ними надсмотрщиков поставили. Обтянули все вокруг колючей проволокой, вышки по краям психушки, уже аж четыре, и еще две достраиваются. Проектора, автоматчики. Что случилось, почему вдруг так? Неведомо... Митяй поспрошал там у деревенских, что да как. Те говорят, хрен его знает. Приехали, спешно взялись это все возводить. Изнутри никого не выпускали. А что это с лицом у тебя такое? Ты уже что-то знаешь?

— Знаю, но недостаточно пока что, — сказал я и в двух словах пересказал, что, мол, прибыл некто Зиверс, который устраивает из психушки этой полигон для опытов своего приятеля-изувера доктора Рашера. Судя по тому, что какого-то особенного впечатления на Степана эта новость не произвела, он пока что ничего не слышал ни о нацистских врачах с их занимательными опытами на живых пациентах, ни о печальной судьбе психиатрических клиник и их пациентов и персонала.

— Вот значит как оно... — лисья морда Степана выгляде-

ла раздосадованной. Убедился, что лавочку прикрыли, и теперь придется очередные новые схемы придумывать. Потом на его лице появилось беспокойство. — Так получается, что наш человек там внутри сейчас в опасности?

— Скорее всего, — кивнул я. — И в немаленькой. Особенно если он вдруг еврей.

— Понятно, — рассеянно кивнул Степан. — В общем, Саша, ты же в их комендатуре подвизаешься. Других русских там нет. Пошукай там по бумагам, воздух понюхай. Склад-то понятно, что уже потерян. Жаль, эх... Там партия топлива немецкого была, сбуть не успели. Но вот парня бы оттуда как-то вытащить... Пропуск ему какой устроить или еще как. Пошукай там, что можно сделать. Сможешь?

— Идет, — сразу согласился я. Интересы наши совпадали, но про Яшку Степан не знал, ведь он тоже там томится и рискует стать подопытным мышонком. Да и незачем Степе такое знать. Я же не спрашивал, что им было за дело до Тодтовского склада, когда они там шумиху со взрывами и пожарами устроили, когда я Наташу вытаскивал.

— Вот этот наш человек, — Степан протянул мне бумажку. — Лев Борисович Яковец, сорок семь лет... Ого, почему-то я думал, что на жуликов в психушке работает какой-нибудь завхоз или санитар, а тут целый психиатр, заместитель завотделением... — Все запомнил?

Я кивнул. Степан сунул бумажку в рот и тщательно прожевал. Посмотрел на меня. Цепко так. С лисьим прищуром.

— Ну и чтобы тебе не казалось, что я просто с тебя должок требую, вот, держи как задаток, — он полез в карман и протянул мне небольшой сверток. — Не бог весть что, но вещица красивая. Девушке может какой красивой подаришь.

Степан ушел. Я развернул обрывок газеты. Усмехнулся. Красивая вещица. Золотая подвесочка с изумрудом.

Но подрываться и бежать в комендатуру прямо сейчас я, ясное дело, не стал. В кои-то веки мне выпала спокойная ночь, в которую можно выспаться. Значит надо эту возможность по полной использовать. Мне все-таки не двадцать, чтобы без сна и отдыха бегать. Завтра, все завтра. Приду на работу в комендатуру, как полагается, вот тогда и разверну бурную деятельность.

Отрубился я намертво, часов на двенадцать. Проспал, как младенец, проснулся, когда уже солнце встало. Умылся, побрился, помахал руками, чтобы кровь разогнать, и почапал на работу.

К обеду, слоняясь по коридорам и осторожными расспросами, примерную диспозицию я выяснил. Первые три этажа нашей комендатуры занимались текущими городскими делами: ремонтом зданий, водоснабжением и электричеством, восстановлением инфраструктуры и техническими вопросами печатных газет и листовок. А вот четвертый этаж... Четвертый был особенным. Вход туда был только через одну дверь, а чтобы еще более обезопасить его от случайных лю-

дей даже среди своих, немцы еще и решеткой лестничную клетку перегородили. Вход туда был открыт только особо избранным, по особым пропускам. И именно там сейчас выделили кабинет Зиверсу и его подручным. Там же в свое время квартировал безвременно нас покинувший гестаповец Алоиз. Это, конечно, была не крепость, как у штаба армии, и не особняком стоящий дом, как у абвера. Но проникнуть на четвертый этаж просто так, внаглую, вряд ли получится.

Что касается этой самой психушки и планов на нее, сотрудники нижних трех этажей ничего толком не знали. Зиверс первым делом запросил привезти все документы лечебного учреждения – истории болезни и личные дела докторов. И посадил за все эти бумаги пару своих людей. И те засели, чуть ли не с шести утра. Несложно догадаться, что именно они делают – сортируют. Кого-то оставят на опыты, кого-то запишут в ассистенты, кого-то отбракуют и отправят прямоком в печь. Этого мне никто не сказал, но было и необязательно. Я все-таки из будущего прибыл. И в отличие от того же Степана никаких иллюзий насчет фрицев не питал. Там, где за дело взялись их врачи, выживших не будет. А те, что переживут, никогда уже не смогут жить нормальной жизнью.

Плохо дело, вот что.

Раз Зиверс своих ассистентов пинками подгоняет, чтобы они архив побыстрее прошерстили, значит, торопится. И времени у меня вообще нет. Потому что тут Яшка может и не отболтаться. Не то место, из которого хорошо подвешен-

ный язык легко вывести может. Значит, надо сегодня ночью пробираться на этот наш секретный четвертый этаж, другого шанса может и не быть. С другой стороны, мне повезло, что они именно здесь работают, а не в самой больнице. Видимо, Зиверс пока счел для своих целей ее недостаточно безопасной. Ну или, хрен знает, может ему хочется пока что в «высшем свете» повращаться. А в Черняковицах, что? Деревня, и вокруг только психи. Одни в смиренных рубашках, другие – в белых халатах. И усики его пижонские вряд ли кого-то там очаруют. А здесь – офицерский клуб с певичками из Германии привезенными, бордельхаус, театр скоро откроют, вывеску уже приколотили. Ресторан третий день работает, даже выглядит почти как настоящий – скатерти белые, столовое серебро, официанты в униформе... Рынок, опять же. Хотя вряд ли герр Зиверс большой любитель потолкаться среди торговых рядов, но мало ли? Я пока что слишком мало о нем знаю...

В общем, вариантов нет. Надо ночью лезть в зарешеченную твердыню секретных документов. На четвертый этаж. Причем, тенью, чтобы ни одна крыса меня не заметила... Потому что если хоть один труп там оставлю, то это уютное гнездышко моментально переведут куда-нибудь в Кром, и хрен я вообще туда смогу пробраться. А тут шансы все-таки есть. Дверь-то они решеткой заварили и пару часовых туда воткнули, а вот окна решетками забрать пока что не успели. Значит можно через чердак и крышу попытаться.

Луна благополучно спряталась за тучкой, темень выполза из подворотен и окутала город. Фонари не горят, электричество немцы зазря жечь не будут. Добрая ночь для сегодняшнего дела. Темная.

Перед этим я задержался на работе, для виду сложив все бумажные задания графа (даже мной уже исполненные) пухлой стопкой на самое видное место на моем столе. Дескать, смотрите, сколько у меня задач нарезано. Не успеваю разгрести.

– Ты не идешь домой? – Марта недовольно сквасила губы, уже поняв, что очкастый зарылся по уши в бумажках.

– Сегодня придется поработать сверхурочно, – нахмурился я, изображая безысходность выючного ослика. – Иди отдыхай.

– А я и не устала, – Марта игриво обняла меня со спины, ее руки скользнули по груди. По животу и ниже.

Я лишь тяжело вздохнул и перелистнул бумажку, в которую таращился уже минут десять и ждал, когда девица покинет наш кабинет.

Марта резко распрямилась, недовольно фыркнула и зацокала прочь. Уже в дверях бросила в пол-оборота:

– Хорошего, вечера, герр Волков. И не забудь пропуск заполнить.

Надо же. Вроде обиделась смертельно, а обо мне беспокоится все же. Про пропуск напомнила. После последних событий граф мне безмерно стал доверять и выдал пачку отпечатанных пропусков с печатями, штампами и прочими подписями. В пропуск лишь стоило внести мое имя и поставить нужную дату. И я мог безбоязненно передвигаться после наступления комендантского часа.

Подарочек я оценил. Еще бы. Теперь не надо прятаться ночью на улице и шараться от каждой тени. Кроме того, сегодня я даже выписал пропуск на Рубина. Вписал туда длинное: Евдоксий Констандопулос. Тьфу блин, без бутылки и не выговоришь и не напишешь сходу. Даже ценный бланк один испортил, пока его регалии выводил.

И вот теперь, цыган уже терся где-то возле комендатуры. Притаился за деревом и наблюдал. Задача у него простая. На шухере стоять и мяукнуть котом мартовским, если кто под окнами комендатуры не вовремя нарисует. Ведь проникнуть я собирался на четвертый этаж, как раз через окно. Другого хода не придумал. Часовые только в лестничном пролете стоят. Аж двоих сразу поставили с карабинами. Стерегут решетку, как цербер вход в царство Аида. Разве что ядовитая слюна у них не капает.

Дождался пока комендатура совсем опустеет, внизу только слышны возгласы постовых из дежурки. Кто-то травил очередную байку про Красного вервольфа. Судя по доносившемуся разговору, Вервольфа этот, оказался психом, сбе-

жавшим из больницы. Людям глотки грыз, потому что волком себя считал. Но герр Зиверс его уже изловил и нужные опыты над ним ставит. Ну-ну... Знали бы вы, насколько близок сейчас к вам Вервольф, штанцы бы обделали.

Я осторожно открыл окно в торце коридора. Стекло когда-то было заклеено полосками из газеты, чтобы не выбило при бомбежке. Теперь бомбёжек нет, но бумагу так никто и не удосужился оторвать.

Выглянул на улицу. Кот молчит. Только сверчок тревожно тренькает. Одиноко ему в оккупированном городе.

Подождал пока глаза привыкнут к темноте. Вслушивался в ночную тишину. Все спокойно, как в могиле. Пора...

Встал на подоконник. Высунулся глубже. Глянул вниз, голова чуть закружилась. Не люблю высоту, с парашютом приходилось скрепя сердце в свое время прыгать. Но мой маленький секрет из боевых товарищей никто не знал. И не узнают теперь. Эх...

Ощупал кирпичную стену. Уцепиться не за что. Днем осматривал снаружи, вроде казалось, что могу выбоинки найти и поиграть в скалолаза, но когда реально до дела дошло, то холодок на спине почувствовал. Не хватало еще вервольфу превратиться в лепешку, шмякнувшись с высоты. Глупее смерти для диверсанта не придумаешь.

Что же делать? Отступить? Мяукнул кот. Как настоящий. А может и есть настоящий? Но нет. Рубин подал сигнал. Так нет никого вокруг, зачем тревогу поднимать? Парень вы-

брался из укрытия и махнул мне рукой. Понятно. Что-то сказать мне хочет. Жестами кривляется, тычет куда-то пальцами на угол дома. Блин, не понимаю я язык глухонемых цыган.

Тогда Рубин махнул рукой, мол, щас дядя Саша, смотри. Подбежал к углу дома и ловко вскарабкался по водосточной трубе. Шустро, как белка-переросток. Только вместо пушины хвоста смоляная шевелюра.

Так! Задумку его понял. Почти. Только что нам это дает? Возле водостока окон нет. Что толку туда карабкаться? Но Рубин не остановился на достигнутом. Снова мяукнул и ткнул пальцем выше, мол, дядя Саша, не бойсь, все пучком будет. И точно. Через мгновение он был уже на крыше. Перебрался по черепице и навис надо мной, спуская свой брючный ремень. Ай да Рубин! Ай да, молодец. Только ремень коротковат. Я показал жестами, что сейчас свой еще кину. Снял с пояса кожаную ленту с пряжкой. Штаны вроде держатся, но не привычно как-то. Мужик без ремня, что слон без бивней.

Высунулся в окно и швырнул ему свой ремень. Рубин ловко его подхватил. Сцепил со своим и снова спустил.

– Крепче держи, – шепнул я ему. – А лучше привяжи.

– Некуда тут его крепить, дядя Саша. Но ты не трухай. Я сильный. Не смотри, что худой.

Я про себя вздохнул. Надеюсь, что я не такой толстый и Рубин справится. Не хочется вервольфу в лепешку превра-

щаться.

Уцепился за полоску ремня и подтянулся на руках вверх. Лазать по канату без помощи ног обучен. Но тут не канат совсем, а жила почти. Благо исхудал я в последнее время из-за всей беготни этой и от моих былых девяносто, осталось лишь восемьдесят килограммов поджарых мышц. Хотя сейчас в рекламе трусов снимайся.

Пальцы впились в ремень, что костяшки побелели. Подтянулся, перехватился. Потом еще. Вдох, выдох, секундный перекур и дальше. Слышно только как Рубин кряхтит. Вцепился в пряжку бультерьером.

Продвинулся еще, еще... Главное, вниз не смотреть. Вот и оконный проем четвертого этажа. Уцепился за карниз, надавил на стекло. Тоже заклеено газетами. Рама открываться не хотела, на шпингалет изнутри заперта. Бляха! Даванул сильнее. Стекло лопнуло сдавленным хлопком. Не высыпалось, газета удержала. Подхватил его и положил на подоконник.

Нырнул внутрь, все, я в домике! Впереди брезжит свет, слышно, как переговариваются часовые за решеткой. Меня не видно. Дежурного освещения в коридоре не включали. Я прошелся в поисках нужного кабинета, в потемках почти наощупь, обследуя дверные таблички. Вот и нужный кабинет. На табличке надпись: «Немецкое общество по изучению германской истории и наследия предков». Ага! Вот и святая святых Зиверса. Табличка свеженькая, явно ее герр Вольфрам с собой привез, здесь такие не печатают, с позолотой.

Деревянная дверь заперта. Судя по скважине с щелями под бородки ключа – замок сувальдного типа. Простенький. Не было в СССР сложных замков. Ни к чему это было. С таким справлюсь. Учили нас в свое время работать замками. Давно это правда было. Но спец знатный преподавал. Пять ходок за медвежатничество. На коже места живого не было от наколок.

Я вытащил из кармана заготовленные инструменты. Их по «особому заказу» замострячил мне часовщик. Крючочки специальные: малый и большой. Просунул их в скважину, поковырялся. Главное, сувальды так поддеть, чтобы стойку засова освободить. Возился минут двадцать, сто потов сошло. Щелк! Щелк! Есть! Помнят руки. Или повезло просто?

Юркнул в кабинет. Задернул плотно шторы. Ткань тяжелая, то что надо, не просвечивает. Снял с пояса фонарик и ощупал лучом обстановку. Просторный кабинет, столы на изогнутых ножках под завязку завалены бумаги. Казалось, даже ножки изогнулись именно из-за их тяжести. Мать честная! Сколько же тут всего! Да мне до утра это все не просмотреть!

Так! Включаем логику. Все что на виду, это рутинные документы. Ценное должно быть в сейфе. Только нет, бляха, здесь сейфа. Не до конца еще Зиверс обустроился. Сейф Алоиза кто-то успел подрезать из соседних кабинетов. Так... Если нет сейфа, тогда важные документы должны храниться... В шкафу. Ага. Под шкаф для бумаг использовался бу-

фет со стеклянными дверцами. Вместо фарфора просвечивают папки. Вытащил их на стол, полистал. Так... Список русского персонала. Кто-то отмечен крестиком, кто-то галочкой. Крестик – значит, выбраковка. Могильный считай крестик. Галочка – принят на службу. В одной из строк вписано имя: Лев Борисович Яковец. И крест рядом. Жирный такой, без шансов. В расход собираются доктора пустить. Ну ясен пень, с такой-то фамилией.

Сейчас все исправим. Порылся на столе. Нашел чернильную ручку и печать Аненербе. Зачеркнул крестик, и рядом поставил галочку. Написал по-немецки: «Исправлено», дату вчерашнюю вlepил, подпись неразборчивую и печать шлепнул. Готово! Вряд ли списки будут здесь перепроверять. Судя по сопроводительной бумажке, что подколота сверху, они уже на отправку в Черняковицы приготовлены. На всякий случай поплевал на разворот и слепил вместе листочки. Типа склеились нечаянно, чтобы ненароком в исправления мои раньше времени никто не заглянул.

Так. Теперь с Яшкой разобраться надо. На него, как на умом двинутого, медкарта должна быть.

Глава 5

Я поскреб в затылке, глядя на какую-то чертову прорву папок пациентов. Они были толстые и тонкие, были явно совсем старые, надписи на которых уже почти выцвели. И новенькие, с аккуратными отпечатанными на машинке наклейками. Но самое дурацкое было другое. Я понял, что не помню, как Яшку зовут! Он ведь не Яшка вовсе по документам, а вовсе даже какой-то Коля. Отличная задача – найти папку какого-то Коли среди тысячи других папок.

Допустим, можно не смотреть все хоть сколько-то потерянные дела, его недавно туда отправили. И все равно их остается слишком много...

Так, давай дядя Саша, напряги профессиональную память... Он же называл фамилию, ведь называл!

Колька... Колька...

Опа! Что еще за шум?

Сначала я услышал голоса, но подумал, что это на улице. Но когда раздался лязг решетки... Вот же гадство! Кому-то не терпится поработать ночью?

Я быстро окинул глазами комнату в поисках хоть какого-нибудь укрытия. Скорее всего, не сюда идут, дверей на четвертом этаже много, но лучше перестраховаться.

Сервант со стеклянными дверцами не годится, вешалка для одежды... Столы, четыре штуки антикварных, разной

степени потертости. О, вот этот подойдет! Могучий одр из черного дерева с двумя тумбами, девственно чист, только настольный прибор поставили. Для Зиверса? Хотя вряд ли, наверняка у него отдельный кабинет есть.

Голоса приближались.

Бл*ха, да какое мне дело, чей это стол? Я ужом юркнул между двух тумб и затих. Стол в углу, вроде не должно быть меня видно. Разве что кто-то попытается за этот стол сесть.

Светская болтовня на немецком затихла. В замочной скважине заскрежетал ключ. Вот я везунчик, а! Все-таки сюда пришли. Принесло ж их, мать твою. Ночь же на дворе, какого хрена вам не спится?!

– Странно, дверь вроде как открытой была... – заговорил один. Голос вроде даже смутно знакомый, но это не точно. Включился верхний электрический свет. – Надо узнать, кто уходил последним...

– На вид вроде ничего не пропало, – заговорил второй. Голос чуть скрипучий, как у самца Бабы Яги. – Да и что здесь взять можно сейчас? Все столы делами психушки завалены, а они даром никому не сдались.

– Но это не значит, что надо относиться к правилам наплевательски, – сказал первый. Мысленно я почему-то назвал его «отличником». Были в его голосе какие-то нотки, свойственные заучкам.

– Это правда, – согласился «Баба Яга». – К правилам надо относиться со всей серьезностью.

Натянутый такой слегка был диалог. Будто оба его участника перебрасывались фразами, чтобы не молчать, потому что знают, что разговор на самом деле пойдет не об этом. «Черт, а вдруг у них тут свидание?» – мелькнула дикая мысль. Дядька в возрасте соблазнил молодого, и теперь они поддерживают светскую беседу перед тем, как начать. Бррр. Вроде в Третьем Рейхе на этот счет были какие-то довольно суровые законы... Но с другой стороны, раз были законы, значит и их нарушители тоже были...

– Но вы хотели не об этом поговорить, верно? – сказал отличник.

– Верно, – согласился Баба Яга.

– И речь пойдет про ликантропию, так? – отличник загромыхал стулом. Придвигая его к моему «убежищу». Благо, не с той стороны, где я прятался.

– На совещании я заметил, что вы... Как бы это сказать... Не питаете к этой теме особого пиетета, – Баба Яга засмеялся.

– Послушайте, но вы же видели отчеты криминалистов? – в голосе отличника зазвучало раздражение. – Любой здравомыслящий человек может сделать вывод, что это действия ловкого авантюриста, но никак не мифического русского оборотня. Если бы на Гогензайма и прочих напало чудовище, то картина была бы совсем иная...

– Подождите, остановитесь! – перебил его Баба Яга. – Я ваши аргументы слышал на совещании, незачем их повто-

рять. Я чрезвычайно рад, что вы тоже считаете все эти фантазмагии бредом.

– Тогда о чем... – отличник споткнулся. На несколько секунд повисло молчание.

– Вы умный молодой человек, – вкрадчиво проговорил Баба Яга. – Скажите мне, что произойдет, если герр Зиверс прислушается к вашим аргументам и свернет проект исследования феномена «русской ликантропии».

– Мне кажется, герр Зиверс и так куда больше увлечен медицинским центром для герра Рашера, – вот тут раздражение звучало вовсе не нотками. Тон стал практически обиженным.

– И все-таки ответьте мне, – настаивал Баба Яга.

– Мы вернемся в Берлин, – хмыкнул отличник. – Или нас отправят в другое место, где наша работа будет более нужна.

– Что вы собираетесь делать, когда война закончится? – вдруг резко спросил Баба Яга.

Бл*ха, а ведь старый и впрямь, соблазняет молодого. Только не на потрахаться. А на кое-что другое. Колено затекло, шея заныла. Интересно, долго они тут собираются переговариваться? И кто это такие, черт возьми? Эти два хрена явно из Аненербе, раз были на совещании. Кажется, Баба Яга тут давно, я уже слышал где-то этот голос. А отличник прибыл вместе с Зиверсом.

– Вернусь в университет, – как будто с некоторой горечью ответил отличник. – Женюсь на Гретхен, мы планируем сва-

дбу следующей весной.

– Есть сбережения? – в голосе Бабы Яги зазвучал сарказм. Отличник промолчал. Заррраза, за все время разговора они ни разу не назвали друг друга по имени!

– Вы не подумайте, что я смеюсь или издеваюсь, – серьезно сказал Баба Яга. – Прежде чем составить с вами этот разговор, я справился о вашем благосостоянии. Лично я нахожу несправедливым, что человек вашего ума должен чуть ли не перебиваться с хлеба на воду.

– Я нормально зарабатываю! – вспыхнул отличник.

– Норма, мой друг, это очень субъективное понятие, – Баба Яга снова усмехнулся. – Впрочем, если вас нынешнее положение вещей устраивает... И вам хочется и дальше дарить своей Гретхен дешевые колечки и прятать глаза, когда она засматривается на витрины дорогих магазинов... Жилье, опять же... У нас действительно неплохая зарплата, но ее все равно не хватит на домик в пригороде. И вам придется ютиться со своей супругой в одной квартире с вашей мамой. В грязном городе. Только представьте, как было бы прекрасно поднести в дар вашей матери и вашей невесте отличный дом. Просторный, с цветником и ажурными воротами...

– Хватит, – буркнул отличник. – Вам необязательно все это говорить. Вы знаете, что все мои деньги уходят в счет долга. И если вы позвали меня только затем, чтобы еще раз поиздеваться, то...

– Вовсе нет, – было слышно, что Баба Яга улыбается. – Я

как раз хочу вам предложить решение вашей проблемы.

– Я не предатель! – быстро сказал отличник.

– А кто говорит о предательстве? – Баба Яга хмыкнул. – Лично я всей душой и телом болею за победу великого фьюрера. Речь же совсем не об этом.

– А о чем? – отрывисто спросил отличник.

– Как вы верно сказали в самом начале нашей беседы – о ликантропии, – усмехнулся Баба Яга.

– Но я же сказал... – в замешательстве пробормотал отличник.

– Я помню, что вы сказали, – мягко проговорил Баба Яга. – И если вы продолжите настаивать на этой точке зрения, то проект свернут, а нас всех отправят в другое место. И тогда вы вернетесь с войны в крохотную квартирку, к своей любящей невесте, и к своему долгу. Но может быть и другой исход. Мы с вами находимся в уникальном положении сейчас. И только от вас зависит, как сложится ваша жизнь дальше. Как убогое и жалкое существование, или... Или по-другому.

– Говорите уже, – почти прошептал отличник.

– Друг мой, подумайте о ситуации немного под другим углом, – сказал Баба Яга. – Мы с вами понимаем, что этот пресловутый вервольф – не более, чем какой-то авантюрист, который просто с фантазией подошел к своим убийствам. Русский он или еврей, нам с вами неважно. Но пока считается, что то, что здесь происходит, имеет мистическую природу,

наше с вами положение может считаться неуязвимым. Мы можем входить в любые двери, требовать любую нужную нам информацию и вообще... Понимаете же?

Пауза. Видимо, отличник кивнул, потому что Баба Яга продолжил даже с большим воодушевлением.

– Когда наши возьмут Ленинград, то через Псков в Европу хлынет поток невероятных ценностей. Антиквариат, работы великих художников, уникальные ювелирные изделия... Вы хоть представляете, сколько в Германии, да и не только, есть людей, согласных платить огромные деньги, чтобы заполучить хотя бы крохи из этих сокровищ?

– Но ведь мы к этому потоку не имеем никакого отношения, – возразил отличник. – Граф фон Сольмс-Лаубах...

– Герр граф – фанатик, – отмахнулся Баба Яга. – А мы с вами – нет. Ему волю дай, он даже последние штаны бы с нас снял, если бы их можно было в музее выставить. Ладно, ладно, я согласен, что часть сокровищ имеет национальную ценность, и на них претендовать – это будет тем самым предательством, которым ни я, ни вы заниматься не хотим. Но ведь есть и многое другое! Не имеющее музейной ценности, зато имеющее... Общечеловеческую. И если мы с вами будем здесь находиться в полных силах, пока герр Гиммлер уверен, что мы исследуем феномен ликантропии, то...

– Я понял, к чему вы клоните, – проговорил отличник. И не сказать, чтобы с осуждением.

Я так заслушался, что забыл уже про свое затекшее коле-

но и про упирающееся во что-то твердое плечо. Это же натуральный заговор! Причем эти два хрена собрались использовать меня в качестве прикрытия своих загибающих рученок!

— ...всего лишь признать, что ваши выводы были преждевременными, — продолжал тем временем, Баба Яга. — Что, изучив новые обстоятельства, вы пришли к выводу, что русская ликантропия как явление нуждается в тщательном изучении, потому как этот феномен можно поставить на пользу вермахта... Да что я вас учу, вы же этнограф!

— По второй специальности, — ответил отличник. — По первой я все-таки психиатр.

— Тогда вы лучше меня представляете, что сделает с этими несчастными изувер Рашер, — Баба Яга зло фыркнул.

Нда, как-то две подружки, змея и лягушка вышли погулять...

— Я с самого начала был не согласен, чтобы Рашер занимал психиатрический госпиталь, — сказал отличник.

— Так что вы скажете? — требовательно спросил Баба Яга.

— Я могу сделать то, что вы говорите, — отличник помолчал. — Только я не очень понимаю, каким образом...

— Все остальное я беру на себя, — заверил Баба Яга. — Главное, чтобы в рейсханцелярии были убеждены, что ликантропия — реальна. И это очень важный проект. Все ваши выкладки должны звучать до-сто-вер-но, вы понимаете? Чтобы были местные жители, которые рассказывали что-то про древнее волчье божество, чтобы мы как бы случайно наткну-

лись на несколько алтарей с волчьими зубами и шкурами... Вы умный человек, мой друг, я уверен, что никто лучше вас ничего подобного не сделает.

– Вы забываете, про настоящего вервольфа, – мрачно сказал отличник.

– Про того парня, который свернул шею Гогензайму? – усмехнулся Баба Яга. – И что с того? Пусть себе развлекается и дальше. Просто оборачивайтесь почаще, чтобы он случайно на вашем лбу вольфсангель не нарисовал.

– Так, подождите... – задумчиво проговорил отличник. – Вы предлагаете мне сейчас активно педалировать тему вервольфа и ликантропии, чтобы наши полномочия остались такими же широкими, как сейчас на некое продолжительное время. И по каким-то своим каналам намерены зачерпнуть из золотого потока, который хлынет из Ленинграда в Европу через Псков. Я верно понял?

– Я знал, что вы умны, мой друг, – сказал Баба Яга. – И в качестве жеста доброй воли... Вот, это всего лишь небольшая мелочь.

– Взятка? – сдавленный смешок.

– Ой, да бросьте! – отмахнулся Баба Яга. – Это мелочь по сравнению с тем, сколько мы с вами сможем заработать! Мы ведь договорились?

– Да, – после короткой паузы ответил отличник.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Баба Яга. – Тогда мы можем идти, иначе наше отсутствие заметят и начнут зада-

вать вопросы...

– Нет, подождите, – стул снова грохнулся о заднюю стенку стола прямо над моим ухом. – Раз уж мы здесь, я должен кое-что сделать.

Шаги. Потом хлопок, кажется он взял стопку папок и грохнул ее об стол. Зашуршали страницы.

– Что вы делаете? – спросил Баба Яга.

– Нам же нужна ликантропия, верно? – теперь уже усмехнулся отличник. – Считайте, что сейчас я ее создаю!

Молчание, тихие смешки, скрип ручки по бумаге.

– Семь случаев будет достаточно для начала? – спросил отличник.

– Друг мой, это же гениально... – восторженно прошептал Баба Яга. – Я даже и подумать не мог...

– Рад, что вам нравится, – проговорил отличник. – Вот теперь мы можем идти.

Шаги, щелкнул выключатель, хлопнула дверь, ключ повернулся в замке дважды. Удаляющиеся шаги по коридору. Лязг железной решетки.

Уф... Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не застонать, когда я выбрался из-под стола. Завязанное в узел тело затекло адски, и распрямлялось мучительно.

Интересно девки пляшут и грудями шевелят... Это получается эти двое из Аненербе решили хайпануть на моей диверсионной деятельности? Что ж... Такая шумиха мне только на руку. Мистики им захотелось? Будет вам мисти-

ка-ху*стика. Гады уже делят шкуру неубитого Ленинграда. Только шкуры не будет. Выстоит город-герой, уж мне ли не знать.

Кабинет заперли снаружи. Не критично. Так даже безопаснее сейчас искать медкарту Яшки. То есть Коли. Я стал перебирать папки с незатёртыми корочками. Сколько пациентов в психушке? Сотни четыре-пять? Николаев там максимум с десятков наберётся, или того меньше. «Коля Коля, Николай, сиди дома не гуляй, серый волк тебя найдёт, серый волк тебя спасет» – напевал я, перефразировав частушку и роясь в бумажках.

Вот! Николай Васильевич Синицын, 1905 года рождения. Поступил в сентябре. Предварительный диагноз – параноидальная шизофрения. Блин, фотки нет, конечно. Но вроде все сходится. Похоже это наш Яшка. Так... Шизофреников Рашер в первую очередь на опыты пустит. Садюга-доктор горазд на выдумки. Из своего времени я помнил, как он будет проводить эксперименты на устойчивость людей к гипотермии, к ядам к ожогам и горчичному газу. Сволочь ноги будет ампутировать без анестезии. Плечи мои передернулись, а в душе вскипело. Одно дело слышать об этом в документальной хронике, а совсем другое, когда это происходит здесь и сейчас. Рашер будет травить, жечь фосфором и морозить сотни пациентов до смерти. Особенно он развернется в сорок втором. В мозгу щелкнуло – хрен тебе, а не эксперименты! Вервольф тебя на ремни пустит. Теперь с основной це-

люю – спасти янтарную комнату, у меня возникла еще одна, побочная, но не менее важная. Нужно во что бы то ни стало ликвидировать Рашера. Если убить садюгу, много народу избежит мучительной смерти. Вот только как добраться до гада, если психушку уже вышками оградили и превратили, практически, в концлагерь? Стоп... У нас же есть там свой человек. Ну, не совсем у нас, у банды часовщика там целый психиатр действующий. Я же ему только что карьеру поправил и жизнь продлил, исправив крестик.

А теперь с Яшкой разберемся. Я полистал медкарты других пациентов. Нашел дедушку с диагнозом амнезия. Взял чистый лист и переписал анамнез, поставил каракули подписей. Готово! Вырвал листочек из Яшкиной медкарты и вложил новый. Теперь Коля не шизофреник, а обычный человек, потерявший память. На таком не будут свёртываемость крови изучать, стреляя в шею и давая препараты-коагулянты. Скорее всего, Рашер будет с его мозгом экспериментировать. Это, конечно, не лучше, но пока он там развернет операционный блок, пока наберет персонал для проведения лоботомии, уверен, пройдет еще не мало времени и я придумаю, как вытащить Яшку оттуда.

Через зашторенное окно уже забрезжил рассвет. Нужно торопиться. Я поковырялся в замке отмычками и отпер дверь. Еще минут десять у меня ушло, чтобы ее запереть. Выглянул в окошко с торца коридора и еле слышно пощелкал пальцами. Цыган начеку. Свесил вниз вихрастую голову:

- Чего так долго, дядь Саша, я уж думал тебя того...
- Мы еще повоюем, – тихо хмыкнул я. – Кидай ремень.

Глава 6

Больше всего хотелось забуриться к себе и вырубиться. Тут и спать-то осталось всего ничего, но хоть сколько-то урвать. А рассказать о результатах своего «вторжения на территорию Аненербе» я могу и завтра, не горит. Почти спал на ходу, натурально. Открыл дверь, зацепился рукавом гимнастерки за торчащий гвоздь. Бл*ха...

Недавно выдали одежду, а я ее уже в лохмотья превратил. Примерный учитель немецкого, ничего не скажешь...

Я шагнул в сторону лестницы, и...

Так вообще бывает с почти спящим мозгом. Озарение приходит, откуда не ждешь, как говорится. Вот и на этот раз. Несложная логическая цепочка привела меня внезапно к самой что ни на есть женской проблеме. Нечего надеть. Марта позвала меня на вечеринку, а у меня из одежды – комплект бомж-стайл от Михалыча и галифе-гимнастерка с красно-армейского склада, реквизированного оккупантами. Сапоги, может, и неплохие... Ботинки на смену имеются. Но. Встречают-таки по одежке.

Ноги свернули в сторону комнаты Степана. Во-первых, мне есть, что ему рассказать. А во-вторых, его стиль как бы намекает, что он знает, где в нынешних условиях можно достать модную одежду. Костюмчик, там. Ботиночки лакированные. Галстук...

Обычно мне на внешний вид как-то по фиг, но сейчас этот вопрос действительно встал, можно сказать, ребром. С одной стороны, подслушанный только что разговор был информацией очень ценной, а с другой... А вот с другой он не значил ровным счетом ничего. Потому что я не видел, кто именно там договаривался. «Баба Яга» и «отличник» были сейчас для меня просто набором звуков. Осторожные фрицы не называли своих имен. А узнать их мне чертовски хотелось. И чтобы это знание заполучить, неплохо бы начать вести активную социальную жизнь, а не только работать на работе и шнырять мстителем-вервольфом по ночам. Немцы с большой неохотой пускали на свои мероприятия русских. Но с этим я что-нибудь придумаю, проблемы надо решать по мере поступления. Почему бы не начать с подходящего для светских мероприятий костюмчика?

Я тихонько постучал в дверь Степана. Блин, время дурацкое, он поди давно десятый сон смотрит. А устраивать тут биг-бада-бум – такая себе идея, разбужу остальных жильцов, а среди них далеко не все жулики, хватает и болтливых кукушек...

Но дверь распахнулась неожиданно быстро.

– Так и думал, что это ты, – Степан быстро отступил вглубь комнаты, приглашая меня войти. Сонным он не выглядел. Одет был в домашнюю шелковую пижаму, волосы стянуты сеточкой. Пижон, бл*ха. И комната у него такая же пижонская. Нет, ковров на стенах здесь не было, только тол-

стый войлочный палас на полу. Зато мягкой мебели для такого небольшого помещения было многовато. Широкий диван, в углу рядом с окном – два кресла, несколько разномастных пуфиков, а рядом с дверью еще и оттоманка с ворохом подушек. И пижама эта полосатая. Выглядел Степан как какой-нибудь советский курортник из Ялты, какими их в старых фильмах показывали. Он вопросительно уставился на меня. – Есть новости?

Я вкратце изложил. Мол, так и так, нашел вашего парня в списке, исправил крестик на галочку, авось прокатит. Вдаваться в подробности и рассказывать про подслушанный разговор, ясен пень, не стал.

– Так что, получается, дело сделано? – Степан прищурился.

– Боюсь, что это только начало, – я покачал головой. – Сразу вашего доктора Яковца на растопку теперь не пустят, это правда. Но он там все равно, что в тюрьме. И даже хуже. Так что я всего лишь выкружил немного времени, но тормозить точно не надо.

– Но ведь если он останется сотрудником, то у него должна быть возможность выходить наружу... – рыжие щеточки бровей Степана пришли в движение – в голове явно напряженно шевелились мысли.

– Эх, плохо ты знаешь наших оккупантов, – вздохнул я. Разумеется, кое-какие подробности нюрнбергского дела врачей я знал. Но только до этого самого процесса еще несколь-

ко лет. И даже сообразительный Степан плохо себе представляет, что за люди выют гнездо под боком у Пскова. – Твой парень там такой же подопытный, как и его пациенты. Просто издеваться над ним будут по-другому.

– Н-да... – Степан явно приуныл, между бровей пролегла глубокая складка.

– Не ссы, Степа, я же не сказал, что с этого дела спрыгиваю, – я криво ухмыльнулся и хлопнул его по плечу. – Раз вы через эту больничку дела свои крутили, значит где-то у вас есть всякие схемы, планы и прочее?

– Конечно, – Степан кивнул. – Там правда перестройка вовсю, но...

– И еще кое-что, – я почувствовал, что колени у меня уже откровенно подгибаются от усталости и сел на оттоманку. – Одежда мне нужна. Модная, красивая, чтобы не стыдно было в свет выйти. Понимаешь, о чем я?

– А какое отношение это имеет к... – нахмурился Степан.

– Степа, давай каждый из нас будет делать свою часть дела, идет? – чуть резче, чем мне хотелось бы, ответил я. Потом примирительно продолжил. – Я всю ночь не спал, а мне ни хрена не двадцать. И уже скоро снова вставать. Считай, что гонорар у меня такой – пиджак с карманами, ботинки лаковые и прочее... Что там сейчас модно? Можешь помочь?

– Встань-ка... – Степан отступил на пару шагов, прищурил один глаз, как будто снимая мерки. – Нет, тут лучше все-таки... Сейчас, подожди немного.

Он пересек комнату, уворачиваясь от понаставленных всюду пуфиков, и подошел к комоду. Едва ли не единственному предмету мебели в этой комнате, у которого не было мягкой поверхности. Выдвинул ящик, порылся в нем, извлек сантиметровую ленту и вернулся ко мне. Покрутился вокруг, прикладывая ее к разным местам. Тщательно записал все цифры в крошечный блокнотик. Кивнул.

– Будет тебе одежда, Саша, – сказал он. – Как скоро надо?

– Сегодня вечером сможешь? – спросил я.

– Думаю, кое-что смогу, – тонкие губы Степана растянулись в самодовольной улыбке. Лисья морда стала хитрой, будто он задумал какую-то очередную авантюру. Но телепатом я не было, а расспрашивать не стал, надо было и правда успеть хотя бы пару часов поспать.

* * *

Граф задумчиво пролистал очередную порцию переведенных бумажек. Покивал. Разложил по разным папкам по какому-то одному ему ведомому принципу. Посмотрел на меня и наморщил лоб, будто что-то пытаюсь вспомнить. Потом его лицо вдруг просветлело.

– Ах да, герр Алекс! – сказал он. – В полдень никуда не уходи, нас ждут на одном официальном мероприятии.

– Хорошо, герр граф! – сказал я.

– Хм, я думал, что ты спросишь, что это за мероприятие,

а я отвечаю, что это сюрприз, – граф подмигнул. Он выглядел слегка осунувшимся, но скорее от излишнего энтузиазма. Настроение у него было отличное – глаза горят, пальцы подрагивают, в предвкушении ценной музейной добычи. Я вспомнил «отличника» и «Бабу Ягу», которые как раз против него и плели заговор. Да уж, жаба и гадюка... В общем-то, граф был не самым плохим человеком. Для фашиста... Тьфу ты, бл*ха... Да уж, попал в ситуацию, когда приходится в сортах го*на разбираться.

– В следующий раз буду любопытнее, чтобы не портить вам шутку, – усмехнулся я. – В полдень я буду готов. Надеюсь, сюрприз приятный.

В полдень граф заявил, что нам надо спуститься в актовый зал посетить одно любопытное мероприятие. При этом он хитро улыбался. Видно, что силился, чтобы не рассказать мне его суть.

Мы прибыли туда с ним и с Мартой. На фоне своих спутников я выглядел немного оборванцем. Хоть форму и постирал с утра и утюгом просушил как мог (подсыхала уже на мне), но штопаная гимнастёрка слишком уж контрастировала с английским костюмчиком графа и с безупречным приталенным форменным жакетом Марты. И где она только такой урвала? Скорее всего перешила под себя. Другие женщины-немки, даже если и были стройные, выглядели в такой же форме по сравнению с ней, как худые коровы после голодной зимовки.

Зал битком. На сцене за кафедрой опять что-то вещает Зиверс. Ряды аплодируют ему стоя. А он любимчик публики. Это еще его дружок Рашер не приехал, тогда вообще развернется, и в Пскове только и будут судачить о гениальных опытах над пленными во славу Великой Германии.

Мы сели на свободные места, которых уже почти не осталось. Я оглядел зал и прикинул. Так-с... А, вот бы бомбу сюда заложить. Хотя нет. Это мешок взрывчатки надо будет целый, чтобы столько народу посечь. А если колонны несущие подорвать? Чтобы всю конструкцию обрушить. Но тут тогда не точно бить придется, а залпом в нескольких местах одновременно и желательно, чтобы спец определил слабые места конструкции, куда взрывчатку подложить. Где такого спеца взять? Пока негде. О! А может припереть двери и пожар устроить? Здание кирпичное, гореть плохо будет. Бензином залить? Или... В моей голове крутились планы диверсии. Пока такое провернуть явно не получится. Но планы строить никто не запрещает.

Тем временем на сцену взобрался какой-то хрен. Приезжий, я его вроде раньше не видел. В звании штурмбаннфюрера СС, нашивку не разглядел. Он развернул красную кожаную папку со свастикой, прокашлялся и торжественно объявил:

– Сегодня мы чествуем наших верных сподвижников, кто своей доблестью доказал преданность Третьему Рейху! Тех, кто верой и правдой служит Великой Германии, несмотря на

то, что имел несчастье родиться в этой варварской и отсталой стране. Советская машина не смогла сломить их честолюбивый ум, не смогла поработить их волю. Они с первых дней войны выбрали правильную сторону!

Ёпт! Чуть не вырвалось у меня вслух. Они собрались предателям награды вручать? Я сжал кулаки, пальцы хрустнули. Марта посмотрела на меня и улыбнулась. Я скривился в ответ уголком рта. Что-то не до улыбок.

Нет, я конечно, знал, что на стороне Германии воевало больше миллиона советских граждан. Даже отелные казахи полки будут сформированы. В школе на истории нам такого, конечно, не рассказывали. Это потом уже сеть наводнилась противоречивой информацией.

Но теперь я сам видел, воочию, как «наши», даже язык не поворачивался так их называть, участвовали в расстрелах и карательных операциях. Поддерживали фашистский полицейский террор в оккупированных населенных пунктах. Вот, к ним у меня отдельные счета. Надо будет их как-то задокументировать, что ли. Всех не перебеешь ведь.

Тем времен штурмбаннфюрер стал зачитывать приказ от имени аж самого Альфреда Розенберга. Вызвал на сцену некоего Брыкалина, заведующего коммунальным хозяйством и нацепил ему на грудь знак отличия для восточных народов. Этакую восьмиконечную звезду с рельефными лучами, в центре которой имеется круглый щиток с растительным орнаментом. Желтая блестяшка сияла на груди Брыка-

лина, а тот тоже, мать его, сиял от счастья. Я тебя запомнил, гнида.

Стоп! Насколько я помню, этот знак фюрер учредит только в сорок втором. Я почему помню, товарищ мой любил военные цацки коллекционировать. Был у него такой значок в коллекции. Он его называл «Крест предателя». Звезда эта крест напоминала лишь отдаленно, из-за еле заметных скрещенных мечей, которые выступали за поля совсем чуть-чуть. Чтобы на их фоне награды для истинных арийцев бледно не смотрелись. А тут получается уже знак в ходу в сентябре сорок первого. Япона-матрёна! Похоже, что я меняю историю. Надеюсь, что в лучшую сторону.

Ну, конечно же, в лучшую, чем больше гадов я прикончу, тем скорее победа. Ну, даже если я и не приближу ее во времени значительно, то по крайней мере баланс потерь с нашей и вражеской стороны немного подвину.

Потом вызвали начальника полиции деревни Заорважино. Хмурого казака с усами Бармалея. Ему тоже нацепили цацку, и я тоже его запомнил. Таких прихвостней, что уже в первые месяцы до наград дослужились, надо в первую очередь на карандаш брать.

Хрен с трибуны снова стал вещать, зачитывал подвиги очередной гниды, которую собрался награждать. Я даже не слушал, что он там такого сотворил. Внутри все кипело и бурлило. Краем уха расслышал, что спас какую-то важную шишку. Его тоже я запомню, выйди только, покажись...

Важных шишек мочить надо, а не спасать. Оратор сделал паузу, обвел глазами зал и торжественно объявил имя очередного предателя.

– Герр Алекс Волков!

У меня чуть башка не взорвалась. Чего?! Да ну на хрен!.. Но быстро охладил пыл, включив логику. Так, это мне, наверное, за спасение графа? Фух... А я-то подумал. Ну, да, точно. Вон и босс мой на меня косится и лыбится во всю ширь своих тонких змеиных губ:

– Алекс! Мой друг! Что же вы застыли? Ты ошарашен моим сюрпризом? Ну-ну, смелее. Иди на сцену.

– Я горжусь тобой, Алекс, – прошептала мне на ухо Марта.

Фашики лениво хлопали. Особого рвения аплодировать мусорной расе не выказывали. Но прилежно махали руками в такт.

Я встал и поплёлся на сцену. С первого ряда на меня смотрел Зиверс и улыбался. Когда я проходил мимо, он воскликнул:

– Не все русские свиньи, оказывается есть среди них и герои!

Ага, молча кивнул я. Придет время, и я забью тебе в глотку этот самый знак.

Никак не думал, что первой моей наградой в этом времени будет фашистский знак отличия. Хотя с другой стороны... Я же диверсант. Разведчик. Чем больше я буду казаться своим, тем проще Вервольфу будет охотиться. Бойтесь но-

чи, герры фашисты. Я натянул улыбку и вошел на сцену. Во время вручения скромно повернулся к залу. Пусть все мою рожу запомнят. Для «карьеры» полезно...

Уф. Что-то столько событий, что даже не верится, что рабочий день закончился в положенное время, а не полночь.

Я быстро чмокнул Марту в щеку, прошептал, что найду за ней минут через тридцать. Надо же, мол, мне привести себя в порядок, чтобы перед друзьями Марты в грязь лицом не ударить. И помчал домой. Переодеваться в еще пока неизвестно что.

Пробежал по коридору, постучался к Степану. Никого. Наверное, у часовщика сидят. Но дверь Лазаря Борисовича тоже оказалась запертой. Рыжий Ковальски решил меня надуть? Ладно, хрен с ним, буду изображать хорошего парня в том, что есть. Побреюсь только...

Я взлетел по лестнице на свой чердак, распахнул дверь. Замер на пороге. Потом не удержался и заржал. На моей убогой кровати был разложен элегантный двубортный костюм, серый в полоску, шелковая рубашка, два галстука – видимо не решил Степан, какой лучше – темно-бордовый или темно-синий. На стуле лежала шляпа. Серый хомбург с шелковым кантом. Лаково поблескивали ботинки на обшарпанных досках пола. Задаваться вопросом, как Степан попал в мою комнату, я не стал. Ясно же, что эти замки могут остановить только честного человека. Каковым мой сосед с лисьей мор-

дой явно не был.

Я осмотрел костюм еще раз. Встряхнул, прикинул на себя... Хм, надо же, какая ткань качественная... Хороший костюм, вообще ни разу не похож на товар советской легкой промышленности. Я посмотрел на лейбл. «Люсьен Лелонг». Ну да, как будто мне это что-то сказало. Даже страну-производителя не назову, фамилия какая-то... Да у кого угодно может быть. Люсьен? Француз, может быть?

Ладно, годится, хватит уже дареного коня разглядывать, дядя Саша! Тебя, если что, девушка ждет. «Не дареного, а честно заработанного!» – поправил меня внутренний голос.

Спорить я с ним не стал, и принялся за наведение марафета. Мимоходом подумав, что надо бы у наших жуликов уточнить насчет парфюма и всяких там мыльно-рыльных принадлежностей нормального качества. Я фыркнул этой своей мысли, осмотрел критически свое лицо. Потом ржавую бритву. Пожалуй, благородная щетина – это мой выбор на сегодня. Сбегал в уличный душ. Бррр. Все-таки сентябрь уже такое себе время для водных процедур на открытом воздухе. Но хоть взбодрился.

Ну что ж, новый костюмчик, пожалуйста на примерку...

Ростового зеркала в этом доме не водилось, но насколько я могу судить, покрутившись перед покрытым пятнами кухонным зеркальным огрызком, сидел костюм отлично. Ботинки были чуть тесноваты, но самую малость, терпимо. Нацепил на пиджак свежеполученный знак отличия. Ну вот,

сейчас я прямо-таки образцовый коллаборационист. Прямо-таки готовый образ настоящего предателя...

Но мысль в голове не задержалась. Не было никакого смысла упиваться воображаемыми угрызениями совести.

Кстати, об этом! Надо бы по дороге к Марте купить букет цветов. А то появление Доминики, кажется выбило ее из колеи...

– Марта, тебе невероятно идет это платье, – я склонился к ее руке и коснулся губами. Протянул букет мелких белых розочек. Ничего другого в такой час найти не удалось – рынок и магазины закрыты, и мне стоило прямо-таки титанических усилий, чтобы уговорить бабулю, возившуюся в палисаднике, срезать мне несколько цветочков.

Марта, действительно очень хорошенькая в красном шелковом платье, с высокой прической и ярко-красными губами, замерла на пороге. Губы ее сложились в букву «О». Девушка стала похожей на ретро-открытку в стиле пин-ап, я даже рассмеялся.

– Что такое? Я так сильно опоздал? – я удивленно приподнял бровь.

– Это же... Нет-нет, не может быть! – Марта бесцеремонно растегнула на мне пиджак.

– Милая, мы же вроде собирались на вечеринку? – хохотнул я, обхватывая ладонями ее круглую попу. – Я, конечно, не против, но мы тогда точно опоздаем, и твоя подруга оби-

дится.

– Дурак! – фыркнула Марта. – Я хотела убедиться, точно ли это...

– Люсьен как его там... – я понял, что забыл, что там написано на лейбле.

– Лелонг! – вместо меня закончила Марта. – Откуда у тебя костюм от парижского модного дома?

– Марта, не делай такое лицо, – я аккуратно, чтобы не размазать свежий макияж, поцеловал ее в шею. – Взял у товарища поносить, подумал, что моя рабочая одежда не очень подходит. Но если хочешь, я могу сбегать и переодеться обратно.

– Дурак! – снова повторила Марта и стала торопливо надевать красные лаковые туфли. С букетом цветов она обошлась совершенно варварски – просто бросила его на подзеркальный столик. Пожалуй, мой костюм произвел на нее впечатление куда больше, чем этот букет. Хотя обошелся он мне недешево, прямо скажем... Бабка оказалась весьма вредной и скаредной.

Марта схватила меня под руку и гордо вздернула подбородок. А костюмчик-то добавил мне престижа в ее глазах, как я посмотрю...

– Значит так, мою подругу зовут Ирма, – деловым тоном, как будто выдавая мне справочный материал, говорила Марта. – Она работает администратором в больнице, хотя может на самом деле не работать, она очень богата, как и ее жених.

Они оба могли остаться в Штутгарте, но захотели послужить Рейху...

Я слушал и кивал, кое-что даже запомнил. Компания единомышленников. Молодых амбициозных мечтателей. Пока еще убежденных в скорой победе и в правильности выбранного пути.

Однако устроились эти мечтатели весьма неплохо. Квартира Ирмы занимала весь верхний этаж аккуратного до-революционного особняка, вместе с чердаком и крышей. И впрямь идеальное место для вечеринок, романтичнее не придумаешь.

Дверь распахнулась, на пороге стояла рыжеволосая девушка, тонкая-звонкая, смеющиеся глаза, большой рот. Ей было лет, наверное, тридцать, но девушки такого типа до самой старости выглядят школьницами. Ее искрящиеся глаза с любопытством уставились на меня.

– Ирма, ты собираешься пустить сюда русскую свинью? – раздался мужской голос из глубины коридора.

Глава 7

Хозяин голоса выдвинулся из полумрака собственной персоной. Ага, знаю его. Шарфюрер СС из тех, что регулярно заходят в кабинет графа. Судя по нашивкам, занимается он всяческой логистикой и перевозками. Дитрих какой-то там, не запомнил фамилию. Юноша субтильный, над верхней губой – жиденькие усишки. Ремень на серой форме затянут так туго, что талия у него смотрится чуть ли не девичьей. Вот только смотрел этот грозный вояка вовсе не на меня. А на Марту. Ее рука, которой она держалась за меня, заметно напряглась.

– Ирма, ты же обещала, что его не будет! – почти взвизгнула она.

– Марта, мы же старые друзья, не могу же я его выгнать! – рыжая хозяйка вечеринки похлопала пушистыми ресницами.

– Это ты ведешь себя неприлично, а не я! – Дитрих расправил плечи, принимая героическую позу.

– Мое поведение – это не твоя забота! – огрызнулась Марта.

– Этому русскому среди нас не место! – парень сделал еще шаг вперед, перекрывая дверной проем. – И я не допущу...

– Это ты позоришься сейчас, а не я! – Марта легонько толкнула его кулачком в не очень могучую грудь. – Приду-

мал себе, что имеешь на меня какие-то права, и...

– Марта, ты же мне клялась... – в голосе Дитриха сквозила обида.

Хех, экспозиция ясна. Тут имеет место личная драма. Этот парень – бывший хахаль Марты, которому я перешел дорогу.

– Зачем же устраивать сцены на пороге? – усмехнулся я. – Герр шарфюрер, предлагаю нам с вами выйти во двор и поговорить по-мужски. Идет?

– Да! – запальчиво ответил Дитрих. – Нечего тут слушать это кудахтанье!

– Ты что о себе возомнил! – взвилась Марта, но я придержал ее за талию.

– Марта, все будет хорошо, – прошептал я ей на ухо. – Развлекайтесь пока, я скоро приду.

Я посторонился, давая дорогу оскорбленному в лучших чувствах шарфюреру. Его сапоги грозно загрохотали вниз по лестнице.

– Иди, ни о чем не беспокойся, – я слегка подтолкнул Марту к ее подруге и спустился следом за Дитрихом.

Двор особняка был уютным – аккуратно подстриженные кусты, слегка запущенные клумбы, усыпанные оранжевыми цветами, скамейки... Их явно не так давно перекрашивали. На улице пыл грозного шарфюрера поубавился. Он как-то привык видеть меня склонившимся над бумагами за столом, в идиотских очечках и с ботанским выражением на ли-

це. Но оказавшись со мной лицом к лицу, внезапно обнаружил, что я выше его почти на голову, да и в плечах изрядно пошире. На лице его появилось растерянное выражение, он стрельнул глазами вправо-влево. Патруль что ли ищет, чтобы в случае чего на помощь позвать?

Впрочем, бить я его не собирался. Драки всеми разновидностями немецкой полиции очень сильно не одобрялись и довольно жестоко наказывались.

– Присядем? – я кивнул в сторону ближайшей скамейки. – Краска вроде высохла, так что одежду не изгваздаем.

– Я не собираюсь с тобой разговаривать! – собрав остатки смелости, рывкнул Дитрих.

– А у тебя какой был план? – я склонил голову на бок и с интересом посмотрел на шарфюрера. – Побить мое лицо и показать, кто тут главный?

Глаза Дитриха снова забегали.

– Да брось, Дитрих, я тебя вдвое тяжелее, – засмеялся я. – Разобраться по-мужски – это применить голову, а не кулаки. Или вас этому в вашей эсэсовской школе не учили? Давай присядем и поболтаем. Мы же работаем вместе, неужели два умных человека не смогут придумать решение этой небольшой проблемы?

На самом деле, будь он кем-то другим, я бы не стал разводить дипломатию. Даже драться бы не пришлось – рыкнул разок, и юноша сбежал бы, держась за ремень штанов. Но вот конкретно этого юношу мне хотелось зацепить на крю-

чок. И может даже подружиться. Просто я слышал краем уха их разговоры с графом. Дитрих – это был не просто Дитрих. Кажется, именно этому исполнительному юноше граф намерен поручить демонтаж и транспортировку янтарной комнаты. На самом деле это мальчик из хорошей семьи с образованием в области архитектуры и искусства.

– Ты хорошо говоришь по-немецки, – все еще раздраженным, но уже не слишком агрессивным тоном сказал он.

– Мой отец немец, – сказал я. – В семье было принято общаться скорее по-немецки, чем по-русски.

Я изучающе смотрел на него. Он приободрился. Хрен его знает, был ли он настоящим шовинистом, или только пропагандирую листовку нашел. Но ему явно стало легче от осознания того, что я не совсем настоящий русский.

– Так это поэтому герр граф взял тебя к себе? – обрадованно произнес он.

Через пять минут легкой беседы, Дитрих выложил мне все свои печали, как на духу. Они с Мартой знакомы чуть ли не с рождения. Родители жили в соседних домах, дружили, собирались их поженить, когда время придет. Они всегда с Мартой были вместе. И на фронт отправились тоже вместе. Вот только в Пскове все пошло наперекосяк. Отношения разладились, Марта стала его избегать и крутить носом. А потом появился я. И Дитриха все эти обстоятельства очень печалят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.